

Дмитрий Адамидов

Олимпийцы.

*бюрократический фарс
с претензией на водевиль
в двух томах
и девятнадцати эпизодах
с прологом и эпилогом.*

Предупреждение.

Все совпадения литературных героев с реальными историческими деятелями являются случайными, чтобы там потом не врал автор.

Действующие лица:

Государственные мужи, начальники и небожители:

<p>Кормчий - верховный небожитель и отец всего сущего с неограниченными полномочиями. Как его зовут - сами знаете, чего лишний раз все поминать.</p>	
<p>Герман Оскарович – государственно-федеральный муж, небожитель 1-го ранга. Куратор всего Олимпийского. В прошлой жизни - министр по развитию</p>	
<p>Виталий Леонтьевич – государственно-федеральный муж, небожитель 2-го ранга, ответственный за все спортивное. В прошлой жизни - руководитель секты возрождения футбольного клуба «Зенит»</p>	
<p>Александр Николаевич – государственно-региональный муж. Предан Главному кормчему, с остальными конфликтует. Всегда появляется в сопровождении представителей казачества и кубанского казачьего хора.</p>	
<p>Комиссия МОК или Рыцари Карающего меча им. Ж. Рооге. незримо присутствует в каждой сцене. Вселяют мистический ужас во всех участников олимпийского движения.</p>	
<p>Дмитрий Николаевич – международно-федеральный муж, глава Оргкомитета по подготовке Олимпиады, небожитель с неясными полномочиями, утверждает что является также и креатурой Карающего меча им. Ж. Рооге. В период строительства олимпийских объектов находится в режиме освоения командировочных и представительских расходов</p>	
<p>Семен Михайлович – Первый маркиз Олимпстройский, авторитетный муж, небожитель без ранга, но с чрезвычайными полномочиями. В прошлой жизни крупный нефтяник, и трубопроводный магнат.</p>	

<p>Виктор Владимирович - Второй маркиз Олимпстройский, перебежчик из Сочинского анархического батальона имени Нестора Махно. В прошлой жизни – мэр города Сочи и производитель бракованной тротуарной плитки.</p>	
<p>Таймураз Казбекович – Третий маркиз Олимпстройский, авторитетный муж, носит звание почетного Гаруна-Аль-Рашида первой степени. В прошлой жизни – пивовар, продал свой пивоваренный бизнес голландцам, которые постепенно подменили почти все пиво в стране с нормального на пастеризованное. За это многие считают его воплощением Сатаны.</p>	
<p>Сергей Анатольевич - Четвертый маркиз Олимпстройский. Государственный муж двойного (временами тройного) подчинения, в свое время имел протекцию самого Германа Оскаровича. В прошлой жизни – родной отец всех чувашей и представителей прочих национальностей, проживающих в Чувашской республике</p>	

Кубанцы:

Доверенные лица государственно-регионального мужа Александра Николаевича. Их всегда много и всегда разное количество, поэтому далее фигурируют просто как «кубанцы». Соображают туго, но верно. Все хорошо подготовлены как духовно, так и физически, поэтому в открытую конфронтацию с ними рискуют вступать только анархисты из администрации Сочи, да и то в самом крайнем случае.

Администрация города Сочи или отдельный Сочинский анархический батальон им. Нестора Махно

Существует легенда, что при разгроме частей Нестора Махно в начале 1920-х годов один из наиболее боеспособных анархических батальонов отступил в район Большого Сочи и там перешел на нелегальное положение. Тем не менее, координация между бойцами осталась на должном уровне и со временем они сформировали устойчивое анархическое подполье и заняли руководящие посты в администрации города Сочи, а также населенных пунктов Адлер, Хоста, Джугба, Лоо, Лазаревское и т.д.

С тех пор в делах в регионе царит перманентный бардак и анархия, победить которую не смогли ни при советской власти, ни в новейшие времена. Потомки бойцов анархического батальона стойко и сегодня отбивают атаки как федералов так и «кубанцов», которых регулярно насылают на них государственно-региональный муж Александр Николаевич.

В тексте фигурируют под порядковыми номерами.

- Первый сочинец
- Второй сочинец и т.д.

В правление Второго Маркиза Олимпстройского захватили было маркизат, да не удержали.

Ветераны трубопроводного транспорта.

Лица, приближенные к Первому Маркизу Олимпстройскому. Вместе с ним строили Великую Восточную трубу и собирались было ещё, но тут случилось непредвиденное – планы Великого Кормчего поменялись и люди, посвятившие себя национальной

трубопроводной системе, были вынуждены осквернять свои подошвы суетой и прахом Олимпийской программы. В тексте фигурируют под порядковыми номерами:

- Первый ветеран трубопроводного транспорта
- Второй ветеран трубопроводного транспорта и т.д.

Опытные пивовары.

Лица, приближенные к Третьему Маркизу Олимпстройскому. Прекрасно размещивают и разбавляют, а также выявляют шпионов и лазутчиков. По этой причине были призваны в маркизат. По этой же причине ничего другого делать не могут. В тексте фигурируют:

- Первый опытный пивовар
- Второй опытный пивовар и т.д.

Сотрудники спецслужб.

- Генерал ФСБ – находится в режиме охраны государственной тайны. Чем конкретно занят – не говорит. Но как и положено генералу, находится в курсе всех событий.
- Исидор Семенович – боец-одиночка, резидент ГРУ под прикрытием. Прилетает и улетает на дирижабле.
- Джеймс Взбздонд – английский шпион. Внедрен под предлогом оптимизации взаимодействия с карающим мечом им. Ж. Рооге.

Прочие крупные порученцы и «боярские дети», передвигающаяся на автотранспорте не ниже BMW X5

- Василий Георгиевич – опытный человек, главный инженер по особым поручениям при Германе Оскаровиче, пользуется неизменным уважением всех участников олимпийского движения.
- «Дети Минтранса» - должностные лица Министерства Транспорта Российской Федерации. Перемещаются группой.
- Итальянские проектировщики - Пино и его сын Карло. Пользуются поддержкой карающего меча им Ж. Рооге.

Лица, пользующиеся особым покровительством Василия Георгиевича:

- Галина Алексеевна (она же баба Галя) – помощница Василия Георгиевича, проверенный кадр с многолетним стажем. Делать ничего толком не умеет, постоянно скандалит и все путает, чем всех доводит до белого каления, но из уважения к Василию Георгиевичу все молчат. Кроме того, никто не знает, как теперь от неё избавиться. Ей в основном поручают дела, которые необходимо завалить и при этом сохранить видимость бурной деятельности.
- Христофор Панаётович - грек, моряк, бывший судовладелец. Еще задолго до дефолта Греции задолжал всем столько денег, что даже точно не знает сколько именно. По этой причине придерживается идей милосердия и всепрощения.
- Людмила Валентиновна – проектировщик–гипнотизер. Уверяет, что с помощью особых древних психотехник может сдать в Госэкспертизе любой проект.

Тягловое сословие

- подрядчики
- спортсмены
- железнодорожники
- представитель Магаданской области
- медсестра в вызывающем эротическом халате

Лирические герои:

- Леня – бестолковый еврей, энтузиаст-авантюрист, постоянно опьянен перспективами. Вдохновитель и организатор предприятия.
- Марк - еврей-скептик, постоянно подозревает худшее. Заведует кассой предприятия. Мечтает снять продолжение фильма об Анне Карениной и только ради этой заветной цели соглашается на Лёнины авантюры.
- Татьяна – архитектор, пиар-менеджер, гений чистой красоты, ответственная мать.

Пролог:

Июль 2007 года. Офис Лёни и Марка. Марк сидит за столом, читает бумаги. Лёня вбегает возбужденный.

Лёня: Марк, дорогой, свершилось.

Марк: что такое?

Лёня: включи телевизор!

Марк: Лёня, у нас в офисе нет телевизора

Лёня: как же так, я вчера подписал платежку! Почему ты не купил телевизор?

Марк: Потому что у нас денег на счету только-только на зарплату людям. Подписал он!

Лёня: не важно, скоро у нас будет много денег. Сегодня в Гватемале было объявлено, что Сочи выбран столицей Зимних Олимпийских Игр. Сам Кормчий присутствовал – по телевизору весь день крутят. А завтра мы окажемся внутри олимпийского движения. Я договорился с самим Василием Георгиевичем, нам обещали очень выгодный контракт. Ты не представляешь, как я счастлив.

Марк: А что за контракт?

Лёня: создание информационной системы ... дай бог памяти ... территории объектов проектирования. Или нет, наоборот: объектов информационной системы проектирования территории ... я забыл. В общем Информационной Системы. Контракт почти на миллион долларов – вот что важно.

Марк: Лень, миллион долларов – это прекрасно. Но меня волнует вот что: ты вообще понимаешь, о чем идет речь? Может за миллион там и сделать то ничего нельзя. Может она вообще миллиард стоит.

Лёня: да перестань, не нагнетай! Возьмем какую-нибудь карту, двух студентов они нам красиво нарисуют, в компьютере еще будет моргать. Ведь не только ты, никто не понимает что это такое. Я завтра вылетаю в Сочи – мне надо быть в центре событий. Кстати мне нужны представительские расходы. И нам еще завтра-послезавтра, на край в конце недели нужно полтора миллиона рублей, на гарантийное обеспечение конкурсной заявки. Иначе в конкурсе участвовать не сможем, и все будет напрасно.

Марк: Лень, ты совсем охренел?

Лёня (*заводясь*): Маркуша, дорогой мой, а как ты думал. Я не могу все делать один. Мне нужно твое партнерское участие. Я знаю, что денег нет, но придумай что-нибудь. Позвони кому-нибудь, в банк сходи! В конце концов, ты у нас по финансам или кто? (*не давая Марку опомниться*). Ладно, я пошел (*уходит, демонстративно хлопая дверью*).

Марк (*вдыхая*): ох, говорила мама – если твоего партнера зовут Лёня – то это диагноз. Откуда она заранее всё это знала, интересно? Сейчас подумаем, что можно сделать (*копается в компьютере*)

Входит Татьяна

Татьяна: здравствуйте, я могу видеть Леонида.

Марк: Добрый день, он уже убежал. Вы по какому вопросу?

Татьяна: по поводу трудоустройства.

Марк: Трудоустройства? Вы точно ничего не путаете?

Татьяна: Я с Леонидом разговаривала. Он сказал, что вам очень нужен пиар менеджер, особенно с архитектурным образованием. А это, собственно я и есть

Марк: Интересно, зачем он нам нужен?

Татьяна: что зачем? (*несколько обиженно*): Если так, то я могу уйти.

Марк: да отчего же, оставайтесь. Дождитесь Леонида, по крайней мере. Я возможно не в курсе. Присаживайтесь. (*Татьяна садится. Марк достает телефон, набирает номер*). Не слышит. Ну, давайте подождем, он скоро перезвонит. Хотите чаю?

Татьяна: зеленого!

Марк: пожалуй, я тоже выпью (*включает эклектический чайник, достает из тумбочки чай в пакетиках, сахар, кружки*).

Татьяна: а вы чем занимаетесь, если не секрет?

Марк: мы с Леной партнеры. Я веду финансами, он коммерцией. Здесь еще у нас работает секретарь Света и Артем – сотрудник на все руки от скуки в основном для дурацкой работы. Но сейчас все уже пошло по домам.

Татьяна: вы не очень похожи на финансиста, если честно.

Марк: ну и вы на пиар-менеджера тоже не особенно.

Татьяна: Это верно – я совсем недолго проработала в пиаре. В декретном отпуске была. Вот теперь надо как-то возвращаться к активной жизни. Вот и выболтала все – так ведь не ведут себя на собеседованиях

Марк: так у нас и не собеседование. А потом, как сказал один умный японец¹, никакое собеседование не покажет двух вещей: вменяем ли человек, и трудолюбив ли он.

Татьяна (*смеется*): это верно.

Звонок. Марк берет трубку. Это Леонид. Марк отходит в угол комнаты и разговаривает вполголоса. Татьяна в это время смотрит брошюры на столе у Марка и делает вид, что ей не интересен их разговор с Леной.

Марк: Леня, тут к тебе пришли. Девушка, да. Пиар менеджер ... Леня, ну как так можно: ты, во-первых, забыл, что назначил встречу, а во-вторых, на кой хрен нам сдался пиар-менеджер? ... Какой еще автобус? Ты договорился с федерацией прыгунов с трамплина, что купишь им автобус?! А, только рекламу на нем разместишь! Ну, слава богу, хотя бы автобус покупать не нужно. Слушай, скажи ей это сам ... О-кей, я дам ей твой телефон. Пока. (*возвращаясь за стол к Татьяне*) Ну вот все и выяснилось. Леня просил прощения, у него чего-то там поменялось. Давайте так – я вам дам его номер, вы с ним созвонитесь и договоритесь о встрече.

Татьяна: Понятно. У вас, конечно, очень своеобразная организация. Вы пока разговаривали, я случайно подсмотрела, у вас на столе лежало ... про Анну Каренину.

Марк: а! .. это я нашел в интернете. Сценарная заявка на фильм «Анна Каренина-2»². Я не знаю, какой там должен был быть фильм и вообще пытался ли его кто-нибудь снимать, я просто читаю и наслаждаюсь. Великолепно, по-моему. Особенно на фоне усталости от маразма повседневного.

Татьяна: Согласна. По-моему, это первосортная дурь. Как можно интересно было всерьез писать вот такое (*читает*):

¹ Ли Якокка

²Источник – <http://www.lebed.com/2000/art2333.htm>

После гибели Анны Карениной под колесами поезда ее дочь Анну на воспитание берет Каренин. Вронский в глазах общества превращается в чудовище, и все, кто раньше злословил по поводу Карениной, теперь выбирают своей мишенью Вронского. Он вынужден уехать из Москвы, но и высшее общество Петербурга его не принимает. Следы Вронского теряются где-то в глубине России. Каренин воспитывает детей Сергея и Анну одинаково строго. Но подрастающей Анне кажется, что с ней он обходится особенно сурово. Сережа иногда, обвиняя Анну в гибели матери, грозит ей, что папа оставит ее без наследства, что не видать ей приличного общества и что как только она подрастет, ее вышвырнут на улицу. Романа Льва Толстого в доме Карениных не держат, но Анна прочитала его довольно рано, и в ее сердце вспыхивает желание отомстить

(весело смеется).

Я даже не могу себе представить, как это могло бы выглядеть на экране

Марк: вы знаете, по сравнению с тем, что подчас творится в недрах олимпийского движения – это довольно обыденный сюжет. Впрочем, Леня вам успеет еще не раз об этом рассказать: он обожает подобные истории.

Том первый: большие преолимпийские маневры.

Эпизод первый: Совещание у Германа Оскаровича

Сочи. Зал заседаний с огромным телеэкраном на всю стену. Председательствует Герман Оскарович. Подле него Дмитрий Николаевич, мэр Сочи (будущий второй маркиз Олимпстройский Виктор Владимирович) и Василий Георгиевич. Чуть поодаль разместились сочинцы при должности, дети Минтранса и лица, пользующиеся особым покровительством Василия Георгиевича. На заднем плане в рядах последних маячит Лёня.

Герман Оскарович: Господа, я пригласил вас сюда, чтобы сообщить пренеприятное известие *(у всех вытягиваются лица. Герман Оскарович смеется)* Да шучу я, шучу. Как минимум одно известие как раз достаточно приятное. Как все вы знаете, мы выиграли право проведения Олимпиады. Но вынужден вас огорчить: это последняя приятная новость на ближайшие несколько лет. В частности на следующей неделе к нам едет комиссия МОК. Фигурально выражаясь: Рыцари Карающего меча имени Жака Рооге. Поэтому нужно как следует подготовиться. Давайте с самого начала. Комиссия прилетает в четверг в аэропорт. Что у нас с аэропортом?

Первый сочинец: Новый аэровокзал построен, но в данный момент он еще закрыт. Можем принять в старый, как обычный рейс.

Герман Оскарович: Нет, это не годится. То есть комиссия МОК, конечно, будет просить обычный рейс, обычный автобус и т.д., чтобы убедиться в способности инфраструктуры города справиться с наплывом гостей Олимпиады. Но мы-то с вами знаем, что делать этого никак нельзя. Итак, они летят из Москвы рейсом «Аэрофлота». Где у нас коллеги из Аэрофлота, кстати?

Голос из зала: Мы тут. Как и было оговорено на прошлом совещании, половину билетов на рейс не продаем. Так что полетят в полупустом самолете.

Герман Оскарович: Отлично. Теперь аэропорт. Рейс надо будет принять в новом аэровокзале. Так как будто он уже работает давно. Там отделочные работы закончены?

Первый сочинец: Еще не вполне. Но остались уже по мелочи: кафель и прочее. Багажку наладим, будет выглядеть так, будто косметический ремонт идет. Как в Домодедово.

Герман Оскарович: Хорошо, принято.

Василий Георгиевич *(вкрадчиво)*: знаете, Герман Оскарович, о чем я подумал – а ведь люди должны быть в аэропорту. Будет не вполне логично, если один рейс прилетел, да и всё. Должны быть встречающие, провожающие и так далее.

Герман Оскарович: *(одобрительно смотрит на Василия Георгиевича)* совершенно верно. Вот что – мобилизуйте солдат, школу, бюджетников пусть в аэровокзале будет человек двести-триста постоянно. Ходят там коляски катают. Таксисты чтобы были. Транспорт чтобы ходил.

Мэр Сочи *(удивленно)*: Герман Оскарович, с учителями и бюджетниками мы всё обеспечим. Но вот транспорт ... мы, безусловно, уважаем вас и Василия Георгиевича, но мне негде взять дополнительный транспорт.

Герман Оскарович: ну и не нужно дополнительного, пусть существующие маршруты едут в старый аэропорт через новый! Пару часов покатаются лишний километр. А автобус ... вот автобус придется изыскать. Кто у нас ответственный за автобус?

Второй сочинец: Как только все получают багаж, автобус будет дожидаться. В лучшем виде, так сказать.

Герман Оскарович: нет, так не нужно. Пусть им пришлось подождать минут пять-шесть. Как известно: «в нашем деле главное – это реализм». И когда по городу поедут, пусть остановки объявляет. Рейсовый номер на автобусе висеть должен. Они сойдут у «Парк-отеля», дальше довезите всех до ж/д вокзала. В общем, все должно быть максимально правдоподобно.

Мэр Сочи: сделаем.

Герман Оскарович: ну и отлично. А там Дмитрий Николаевич их подхватит.

Дмитрий Николаевич (*важно*): несомненно. Дальше уже мы займемся.

Герман Оскарович: Ну, тогда у меня всё. Если у кого-то остались какие-то вопросы ... милости прошу задавать.

Василий Георгиевич (*вполголоса*): тут еще итальянцы эти.

Герман Оскарович (*Василию Георгиевичу*): задержитесь со своими (*в зал*) Коллеги, всем спасибо. Не смею задерживать.

Все встают и расходятся. Герман Оскарович, Василий Георгиевич и лица, пользующиеся его особым расположением, остаются.

Герман Оскарович: что там с итальянцами?

Василий Георгиевич: упрямятся.

Герман Оскарович: что пробовали?

Василий Георгиевич: гипноз пробовали. Отвечала Людмила Валентиновна. Она высококлассный специалист, но, увы, стойкие оказались (*Герман Оскарович недоверчиво поднимает бровь*), да вот сами, убедитесь. Людмила Валентиновна, прошу вас!

Людмила Валентиновна (*встает, профессионально поправляет одежду, начинает говорить. В процессе её монолога все кроме Василия Георгиевича впадают в трансное состояние и начинают крутить головами как на сеансах Кашиповского*): Уважаемые дамы и господа. Чтобы завладеть вниманием аудитории ей надо показать какой-нибудь блестящий предмет (*поднимает руку и показывает браслет*). А теперь слушайте меня внимательно: вы спокойны, расслаблены и у вас нет никаких замечаний к проекту планировки территории, подготовленному нами. Его надо согласовать, взять ручку и написать «согласовано». И подпись (*Герман Оскарович пишет на листке бумаги «согласовано» и подписывается*)

Василий Георгиевич: Людмила Валентиновна, достаточно.

Герман Оскарович (*приходя в себя, удивленно смотрит на листок бумаги с собственной подписью*): потрясающе!

Людмила Валентиновна (*скромно потупя взгляд*): ну мы так всегда государственную экспертизу проходим. Иначе не получается.

Герман Оскарович: простите, что сразу не поверил. Вас надо обязательно как-нибудь взять на совещание в Минфин. И что, не сработало?

Василий Георгиевич: увы, нет. Опытные люди, надо полагать.

Герман Оскарович: м-да. Кстати, Василий Георгиевич, а почему все вертели головой кроме вас?

Людмила Валентиновна: это только из уважения к Василию Георгиевичу!! Так-то проблем нет. Обычно все делают, что скажу. Но вот итальянцы никак ...

Герман Оскарович: кхм ... понятно. Что еще пробовали?

Василий Георгиевич: первым делом попытались, конечно, договориться. Христофор Панаётович занимался. Но там все плохо. Помните такого Оттавио Чикеванта, президент международного союза конькобежцев. Он еще канадцам фигуристам медаль вторую золотую дал в Калгари³?

Герман Оскарович: да, помню.

Василий Георгиевич: ну вот эти итальянцы его креатура. Проектировали ледовый дворец в Турине. А Чикеванта этот назначен со стороны МОК член координационной комиссии. И в Ванкувере и у нас. В общем, боюсь, тут придется заплатить. Иначе до медалей дело вообще может не дойти.

Герман Оскарович: и сколько они хотят?

Василий Георгиевич: миллион евро. За эскизный проект. За восемь картинок, по сути.

Герман Оскарович: они совсем рехнулись?!

Василий Георгиевич: еще там осложняется тем, что надо аванс до комиссии МОК проплатить. А у Дирекции ни денег понятное дело, ни возможностей. Так-то по закону надо конкурс объявлять, но это 52 дня, да кроме того, госзакупки, конкурс – нельзя обеспечить выигрыш. Поневоле задумаешься – кто же писал такие законы?

Герман Оскарович: Вообще-то, хочу напомнить, что мы с вами их и писали. Правда было это давно, и тогда ни о какой Олимпиаде никто и слыхом не слыхивал. Ну, ничего, мы штурм Белого Дома, две чеченские войны и три административные реформы пережили, переживем и это. Зовите их, что ли, поговорим.

Василий Георгиевич делает знак, открываются двери, в зал заседаний входят итальянские проектировщики. Вернее сказать сын (Карло) ввозит отца (Пино) на инвалидной коляске. С ними идет переводчик. Звучит характерная сицилийская музыка из фильмов про мафию.

Герман Оскарович (*тихо, Василию Георгиевичу*): колоритно. Так это и есть папа Карло? На коляске?

Василий Георгиевич (*так же тихо*): Нет, ни в коем случае! Отца зовут Пино, сына - Карло. Мы в прошлый раз тоже перепутали, они очень обиделись. И должен предупредить – они и по-английски, и по-русски понимают отлично. Переводчик так для мебели. Телохранитель, наверное.

Герман Оскарович: понял (*обращаясь к итальянцам*) Рад приветствовать вас, сеньоры.

Итальянцы (*хором*) бонжорно, синьор гранд-министр!

Пино (*на ломаном русском*): дон Оттавио рекомендовал мне ...

Герман Оскарович: слышан, слышан. Мы все уважаем дона Оттавио и внимательно прислушиваемся к его рекомендациями (*в сторону*) сволочи макаронные, чтобы вы все лопнули!

Пино (*в сторону*) чертов рогоносец (*обращаясь снова к Герману Оскаровичу*) как у нас говорят в таких случаях «Chi trova un amico, trova un tesoro» - кто нашел друга, нашел сокровище. Дон Оттавио – это сокровище.

Герман Оскарович (*саркастически*): уж то, что обходится дорого - так это факт.

³ Имеется в виду скандал с вручением второй золотой медали канадской паре Жами Сале — Давид Пеллетье. Источник http://ru.wikipedia.org/wiki/Скандал_в_фигурном_катании_на_зимних_Олимпийских_играх_2002

Пино (*разводит руками*): что делать, большое дело начинаете, большие затраты предстоят. Как говорят у нас в Италии ...

Герман Оскарович (*перебивая, меняя тон на жесткий*): сколько?

Карло (*вступая, таким же жестким тоном*): миллион евро. Как и было сказано. Аванс – 80%. Срок исполнения – к визиту Рыцарей Карающего Меча.

Герман Оскарович (*еле сдерживаясь, едва не срываясь на крик*): вы ... вы понимаете вообще что говорите?!

Пино: заверяю вас, сеньор гранд-министр, мы полностью отдаем отчет. Мы не сицилианцы какие-нибудь, чтобы торговаться. Как назвали цену, так и есть. Зато у вас будет стопроцентная гарантия, что комиссия посмотрит на это благосклонно. (*в сторону*) Давай соглашайся уже, не визжи как свинья.

Герман Оскарович (*в сторону*) чтоб ты сдох!! (*обращаясь к Пино*) Хорошо, вы меня полностью убедили. Согласен. Мы подумаем, как это получше сделать и Василий Георгиевич обговорит с вами детали. (*обращаясь к Василию Георгиевичу*) Завтра я полагаю?!

Василий Георгиевич: разумеется. Мы должны немного подготовиться.

Герман Оскарович: Всего вам наилучшего, господа.

Итальянцы (*хором*): Аривидерчи (*уходят и при этом негромко напевают песню итальянских партизан «Бела Чао». Герман Оскарович и Василий Георгиевич при этом непроизвольно морщатся*)

Герман Оскарович (*злбно*): вот собаки! (*взяв себя в руки, обращаясь к Василию Георгиевичу*): значит так, я сегодня вечером позвоню нашим доблестным инвесторам, они миллион дадут. С вами свяжутся, пусть через них договор сделают и платежи проведут. Не нужно в это впутывать Дирекцию.

Василий Георгиевич: а инвесторы не заартачатся?

Герман Оскарович: Не думаю. На них столько компромата, да и долг перед Родиной не весь отдан. Нормально все будет, не переживайте. Главное чтобы эти козлы макаронные все сделали как надо. У нас ещё что-нибудь есть из текучки на сегодня?

Неожиданно перед Германом Оскаровичем появляется Лёня.

Леня: Здравствуйте Герман Оскарович!

Герман Оскарович (*удивленно*): а это еще кто?

Леня (*с жаром*): мы исполнители по Информационной Системе объекта проектирования территории, или нет, территории объекта проектирования ... я хочу сказать, что мы не подведем! Мы хотим быть внутри олимпийского движения!

Василий Георгиевич (*оттесняет Леню и одновременно объясняет*): Это Леня, наш человек, подрядчик по Информационной Системе. Переволновался видимо (*Лёне, тихо*) Леня успокойся немедленно! Что на тебя нашло?!

Герман Оскарович (*усмехается*): понятно. Василий Георгиевич, если вы не возражаете, давайте отпустим коллег, а вы сами задержитесь еще на несколько минут (*громко*). Всем спасибо!

(лица, пользующиеся особым покровительством Василия Георгиевича, уходят),

Василий Георгиевич (*поправляя костюм*): Я прошу прощения, Леня молодой, энергии много.

Герман Оскарович: кстати говоря, эта Информационная Система, откуда она вообще взялась?

Василий Георгиевич: ну это Галина Алексеевна в свое время включила в план мероприятий.

Герман Оскарович: ох уж мне эта ваша Баба Галя! Ладно ещё, когда надо над подрядчиком поиздеваться и не заплатить под благовидным предлогом, я понимаю. Но зачем же ей ответственные участки поручать?

Василий Георгиевич (*слегка обиженно, но не нарушая субординации*): так людей не хватает. Я же подавал вам ходатайство о расширении штатов на той неделе ...

Герман Оскарович (*прерывает*): я все помню, затем вас и попросил остаться. Давайте с системой этой закончим. Контракт можете разыграть, но аванс не платить и работу не принимать ни под каким видом. Попридержите. Там по ней какой-то интерес нездоровый, подставляться не стоит. Подключите свою Бабу Галю, пусть разомнется. А молодой человек этот ... ну хотел он быть внутри олимпийского движения, пусть побудет (*усмехается*) тоже мне сперматозоид выискался!

Василий Георгиевич: понял.

Герман Оскарович: теперь собственно о главном. Вот что я подумал Василий Георгиевич: не пора ли нам с вами учредить маркизат олимпийский?

Василий Георгиевич: госкорпорацию?

Герман Оскарович: именно! Мы же сейчас в принципиально новой ситуации – надо не бумаги писать, а много чего строить. А мы тут даже проектировать не начали, а уже от этих жуликов не продохнуть. Бессистемно бегают. А надо чтобы упорядочено, вы меня понимаете. (*Василий Георгиевич многозначительно кивает*) Я думаю, Кормчий нас в этом вопросе поддержит. Да и о себе подумать надо тоже – не все же бессеребренниками за служебный BMW и госдачу вкалывать (*оба сдержанно смеются*) Только бумагу убедительную осталось составить. Чем и предлагается заняться ...

Уходят вглубь сцены. Разговор Германа Оскаровича и Василия Георгиевича перестает быть слышен. На сцене появляется Марк

Марк: вот так и получилось, что в результате Лёниной выходки на том достопамятном совещании начались наши мытарства в городе Сочи, с контрактом, который изначально никому не был нужен, и за который никто не хотел платить. Кроме того, был замыслен прожект Олимпстройского маркизата, с которым в свою очередь намучались уже и федеральные, и кубанские и сочинские и прочие «боярские дети», да и мирное население тоже своё получило.

Эпизод второй: Всеобщее ликование переходящее в триумф воздухоплавания.

Сочи. По поводу утверждения города столицей Олимпийских Игр город празднует. Звучит совершенно ошалевший канкан. На сцену выскакивает кордебалет в перьях, за ним, совершенно ошалевшие, вылетают Виталий Леонтьевич и Дмитрий Николаевич, празднующие в едином порыве вместе с горожанами. Дальнейший диалог происходит одновременно с отплясыванием канкана.

Первый сочинец: я вас поздравляю

Второй сочинец: и я вас поздравляю

Виталий Леонтьевич: а я ... я вообще всех поздравляю!!!

Дмитрий Николаевич: взаимообразно. Виват!!!

Третий сочинец: а с чем собственно?

Музыка прекращается, все останавливаются в недоумении.

Виталий Леонтьевич: как с чем? (*с угрозой*) я не понял: вы это что?!

Дмитрий Николаевич: Олимпиада же!

Первый сочинец: да здравствует Олимпиада!

Опять начинается музыка, все снова отплясывают канкан.

Дмитрий Николаевич: Я только вчера из Гватемалы – словами не передать: какое царит воодушевление. Сам Кормчий выступал!

Виталий Леонтьевич: уже сколько лет у нас не было летней Олимпиады.

Дмитрий Николаевич: Зимней!

Музыка прекращается, все снова останавливаются в недоумении.

Виталий Леонтьевич: как это зимней?

Дмитрий Николаевич: да говорю же вам – зимней!

Виталий Леонтьевич: вот здесь в Сочи?

Дмитрий Николаевич: ну что вы ей богу. Я же заявку готовил. И она одобрена. Самим Кормчим в том числе

Виталий Леонтьевич (*опомнившись*): да здравствует Кормчий!

Опять начинается музыка, государственные мужи с кордебалетом отплясывают канкан. Сочинцы в недоумении стоят в стороне. Постепенно музыка заканчивается, на сцене остаются Виталий Леонтьевич и Дмитрий Николаевич и две девицы из кордебалета. Мизансцена меняется: на сцене якобы гостиничный номер с балконом: ширма столик и два стула. На столике бутылка шампанского и фрукты. Девицы на последних тактах музыки забегают за ширму, Виталий Леонтьевич сопровождает их до ширмы, затем возвращается к столику, за которым уже сидит Дмитрий Николаевич

Виталий Леонтьевич: все-таки не могу взять в толк: как же тут зимняя олимпиада, без снега то?

Дмитрий Николаевич: есть мнение, что снег обеспечат. Тем более в горах в феврале. На самом деле, об этом подумаем завтра. Или послезавтра.

Виталий Леонтьевич: точно. Вот я еще в должность официально не вступил, почему я должен переживать. (*злобно*) Пусть вон этот хоккеист и отдувается ... легенда ЦСКА.

Дмитрий Николаевич: ну с ним вроде бы вопрос решен я говорил с Кормчим. На днях должно состояться. Потерпите еще немного. Ваше здоровье! (*Поднимает бокал. Чокаются, выпивают*)

Виталий Леонтьевич: потерпим, не такое терпели. Прошу прощения, я на минутку ...

Бежит за ширму, там поднимается возня, визг и летят предметы женского нижнего белья. Входят спортсмены

Спортсмены: Здравствуйте!

Дмитрий Николаевич: Добрый день! Чем обязан?

Спортсмены: знаете, мы по поводу снаряжения. У нас последнее время почти не отпускают средств на снаряжение. Вон немцы новую винтовку каждый год делают для биатлона, финны новые лыжи. А мы все на старье каком-то бегаем, потому и проигрываем. Нельзя ли в связи с Олимпиадой как то посодействовать. А мы уж со своей стороны не посраим тогда.

Дмитрий Николаевич: понимаю вас. Я, к сожалению, тут помочь никак не могу: отвечаю за проведение Игр: ну знаете размещение гостей, питание, олимпийская деревня. Этим Виталий Леонтьевич занимается. Он сейчас ... (*оборачивается на ширму – там продолжается возня и сдавленные крики*) ... совещание проводит. Да и в должность вступит только на днях. Вы уж к нему через пару недель загляните, я думаю, все решится к обоюдному удовольствию.

Спортсмены: Спасибо! Обязательно заглянем.

Спортсмены уходят. Из –за ширмы возвращается Виталий Леонтьевич.

Виталий Леонтьевич: Ох, девки хороши попались. (*Наливает бокал, выпивает*) Что за люди приходили? Чего хотели?

Дмитрий Николаевич: да спортсмены. По поводу винтовок приходили.

Виталий Леонтьевич (*с жаром*): да, винтовки это проблема. Хоккеист этот прости господи, кретин: кроме клюшек и игровых автоматов вообще не развивал материальную базу. Ну ничего-ничего, вот вступлю в должность, все поправлю (*небольшая пауза*) Кстати, девки у нас сегодня просто огонь! Не хотите отведать?

Дмитрий Николаевич: охотно.

Удаляется за ширму. Там снова возобновляются стоны, возня и выбрасывание очередной порции нижнего белья. Входит представитель Магаданской области.

Представитель Магаданской области: добрый день. У меня до вас дело.

Виталий Леонтьевич: слушаю.

Представитель Магаданской области: Я вот что хотел ... уж коли в Сочи утвердили Зимнюю Олимпиаду, нельзя ли у нас в Магадане провести летнюю

Виталий Леонтьевич (*вытаращив глаза*): летнюю?

Представитель Магаданской области: ну да. Вон в Сочи же зимнюю проводят, там всего три-четыре дня в году снег. У нас (*поднимает палец вверх*) целых полтора месяца в году снега нет: тем более успеем. А инфраструктуру наладим. Примем гостей на высшем уровне. Нельзя ли какую еще Олимпиаду выиграть в ближайшее время?

Виталий Леонтьевич: знаете, такой вопрос на ходу не решается. Надо подумать. Да и не от меня одного это зависит.

Представитель Магаданской области (*лезет в карман, достает пачку денег*): мы понимаем, готовы как говорится ...

Виталий Леонтьевич (*перебивает, делает отрицательный жест*): нет-нет. Во-первых, этого все равно мало, а во вторых рано. Давайте я тут осмотрюсь, дела приму, потом побеседуем. Заходите через пару недель.

Представитель Магаданской области: договорились.

Прощается, уходит. Из-за ширмы возвращается несколько утомленный Дмитрий Николаевич.

Дмитрий Николаевич: действительно, огонь и пламень. Что у вас тут?

Виталий Леонтьевич: да ходки всякие, обезумели совсем. Чувствую я, ждут нас незабываемые дни с этой Олимпиадой. Много еще сюрпризов будет.

Внезапно сверху появляется дирижабль, по веревочной лестнице вниз на сцену спускается Исидор Семенович с сигарой в зубах. Дмитрий Николаевич и Виталий Леонтьевич смотрят, удивленно открыв рты

Дмитрий Николаевич: что это такое?

Виталий Леонтьевич: ёпт, дирижабль!

Исидор Семенович: приветствую вас, джентльмены. Это компания «Центр уникальных проектов», сокращенно ЦУП. Мы осуществляем сплошной мониторинг территории Большого Сочи, равно как и любой другой территории с использованием уникального воздушного флота.

Дмитрий Николаевич: чего он осуществляет?

Виталий Леонтьевич: мониторинг

Дмитрий Николаевич: а зачем?

Виталий Леонтьевич: слушай, тебе не пофиг зачем? Я с детства на дирижабле мечтал покататься. Офигеть!

Исидор Семенович: покататься – это не проблема. Мы всегда рады принять на борт столь уважаемых людей и ...

Виталий Леонтьевич: с девчонками!?

Исидор Семенович: ... и, конечно же, их спутниц. Милости просим на посадку!. Заодно по дороге обсудим некоторые детали касающиеся будущей Олимпийской программы.

Дмитрий Николаевич, Виталий Леонтьевич и частично не успевшие одеться девчонки, толкая друг друга, лезут по лестнице в дирижабль. Исидор Семенович последним поднимается на борт.

Исидор Семенович (*в зал*): в традициях русской разведки – все делать красиво. Теперь из них практически веревки вить можно. Это уж поверьте моему опыту. Двенадцать лет в долине Бекаа ...

Поднимается на борт, дирижабль улетает под песню Трофима «Город Сочи»⁴.

⁴ <http://www.youtube.com/watch?v=eDiuEZaEnYo>

Эпизод третий: явление Александра Николаевича с музыкальным сопровождением

Две или три недели спустя. Сочи. Совецание у Василия Георгиевича. Присутствуют сочинцы, дети Минтранса, лица, пользующиеся особым расположением Василия Георгиевича, железнодорожники, автодорожники и разные подрядчики.

Василий Георгиевич: дамы и господа, давайте начинать ...

Внезапно откуда-то сверху раздаются звуки песни Трофима «Город Сочи». За окном проплывает дирижабль.

Василий Георгиевич: а это что такое?

Первый подрядчик: это Виталлий Леонтьевич в должность вступили. Гуляют-с!

Василий Георгиевич: так он две недели назад вступил.

Первый подрядчик: так а радость то какая! Они с Дмитрием Николаевичем первое время вместе куролесили, но тот потом устал. Неделю назад его уже видели в аэропорту – улетал восвояси в Москву. Был весь зеленый-с.

Галина Алексеевна (*басом*): слабак!

Василий Георгиевич (*усмехаясь*): Галина Алексеевна, вы слишком строги. Ну-с приступим.

В ту же минуту поднимается жуткий гвалт. Каждый начинает говорить свое и все делают это одновременно.

Первый сочинец: Дамбу надо строить, вот что я вам скажу.

Второй сочинец: ерунда все это! Надо насыпать остров. Я вот был в Дубаях недавно – там насыпан остров и на нем построена гостиница в 100 этажей. Вот и нам так надо.

Первый подрядчик: а щебень, щебень то где брать? Вы же хотите засыпать всю Нижнеимеритинку щебнем, а где его столько. В Абхазии? А пограничники, а Грузия? А морем нельзя ... волна, подойти не получится. Через морвокзал это все возить?

Второй подрядчик: да ерунда это всё: что толку туда щебень сыпать – она же в море ползет. 15 сантиметров в год. А насыплешь щебня - вдруг быстрее начнет.

Третий сочинец: да наплевать, главное игры провести. А там привяжем парус – пусть плывет себе вместе с дворцом для керлинга (*смеется*)

Четвертый сочинец: да дворец этот ваш тьфу. Вот вы мне скажите – как это все ездить будет? Кто-нибудь думал об этом?

Третий подрядчик (*распалаясь*): вот именно. Вагоны где?!! Вагонов нет!!!.

Железнодорожник: не волнуйтесь, вагоны будут. Правда не там где надо, и не тогда когда надо, но обещаю – их будет дохрена!!

Один из детей Минтранса: а ездить – никуда не денутся, проедут. Дорогу перекроем в случае чего. Всем. Кроме спецтранспорта и официальных делегаций.

Четвертый подрядчик: да у вас и делегации не проедут! Светофоры где? Щебень где, щебень – я вас внимательно спрашиваю!

Первый сочинец (*монотонно бубнит*): Дамбу надо строить .. дамбу.

Василий Георгиевич смотрит на это и не вмешивается. Видно что он привык к таким вещам. Наконец он делает знак Христову Панаётовичу. Тот встает.

Христофор Панаётович: друзья и коллеги позвольте сказать мне несколько слов (*принимает величественную позу и декламирует по-гречески*)

Απο τοις, χρονοῦς τοῦς παλιοῦς το ὕψι βαχτ мераки

να βῶς στις περα τхалассес на бριц то магиссаки

Τὴ ἀπιαστο сан аерикὸ στхн еморφιά τοῦ Μαχис

ποῦ ан канеис на тон μυριστεῖς αλιμονο σοῦ екаеис⁵

У всех присутствующих кроме Василия Георгиевича вытягиваются лица. Все замолкают. Этим немедленно пользуется Людмила Валентиновна: она выходит из-за спины Христофора Панаётовича и начинает сеанс гипноза: все участники немедленно начинают мотать головами.

Людмила Валентиновна: а теперь уважаемые господа, вы спокойны, расслаблены и у вас есть огромное желание подписать следующий протокол по результатам совещания рабочей группы. Пункт первый: одобрить результаты проведенных Дирекцией работ ...

Участники совещания в трансе начинают поочередно подписывать протокол. Внезапно раздаётся громкая музыка: это кубанский казачий хор исполняет гимн Краснодарского края «Ты Кубань, ты наша родина»⁶. В зал входит Александр Николаевич в сопровождении представителей казачества и кубанского казачьего хора.

Александр Николаевич: не помешал?!

Людмила Валентиновна (*тихо, но внятно*): еще как помешали!

Александр Николаевич: ну ничего страшного! Я к вам Василий Георгиевич, по важному делу.

Василий Георгиевич: весь внимания!

Александр Николаевич (*осматривается*): давайте в сторонку отойдем. (*отходят в угол сцены. Некоторая пауза: видно, что Александр Николаевич чувствует себя немного неловко*). Я, знаете ли, чувствую себя немного не в своей тарелке – не привык так вот просить о чем-то. Вы, наверное, знаете, что у себя в крае я делаю что хочу, и как хочу. Не оглядываясь ни на кого, кроме, разумеется Кормчего. (*Василий Георгиевич кивает*). Но тут случай исключительный. Олимпиада – это не шутки, а вы, как я знаю, пользуетесь уважением всех участников процесса.

Василий Георгиевич (*польщенный*): ну это вы слишком!

Александр Николаевич: это не комплимент, это факт. И теперь понимаю почему. Мои то орлы вон все по старинке матом орать, да шашками махать на совещаниях, а вы ... гипноз, цитаты из мировой литературы – это прогрессивно, что и говорить. Что как раз и нужно для Олимпиады. Вот что я вам скажу - переходите на мою сторону. Хоть вы и не

⁵ Начало стихотворения греческого поэта Одиссеаса Элитиса «**Το μαγισσάκι**». Приведена транслитерация. Оригинальный текст и перевод ниже.

Από τους χρόνους τους παλιούς τό 'χω βαθύ мераки να βῶς στις πέρα θάλασσες να βρω το μαγισσάκι Τ' ἀπιαστο сан аерикὸ στην еморφιά του Μάης που αν κάνεις να τον μυριστεῖς αλιμονό σου εκάεις	Не помню сам который год одну мечту лелею Уплыть за дальний горизонт За маленькою Феей Неуловимая как тень под сумерками мая Кто раз притронулся к тебе Погиб, того не зная
---	--

Источник - <http://www.real-greece.ru/proza/gr.poeti6.html>

⁶ http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=3liN2a30EoA

казак, но видно что человек годный. *(со значением)* Не обижу! Департамент создадим! Реализации полномочий края. Как сыр в масле будете.

Василий Георгиевич *(тщательно подбирая слова)*: понимаете, Александр Николаевич, мое нынешнее положение не позволяет ...

Александр Николаевич *(перебивает)*: нынешнее – это не надолго. Знаю я и про маркизат планируемый и что Герман туда метит *(Василий Георгиевич встревожено вскидывается, Александр Николаевич усмехается)*, но знаю также и то, что Герману там не бывать, а маркизату ... в общем посадят там всех в конечном итоге. Может сначала что-то и перепадет кому, но вовсе не столько, сколько сейчас мыслится. Да и отнимут потом. Будет сложно, плюс игра свеч явно не стоит. Поэтому мое предложение – переходите ко мне. Сработаемся.

Василий Георгиевич *(еще более тщательно подбирая слова)*: спасибо Александр Николаевич за предложение, но я подумать должен.

Александр Николаевич *(неожиданно переходя на характерный кубанский говор)*: а и подумай Василий Георгиевич! Только не прозевай момент. Время еще есть. Вот увидишь, через пару недель Кормчий будет по телевизору говорить про маркизат, скажет все, как вы ему написали, но первое лицо не назовет. А Герману потом предложит кое-что поинтересней, но туда он никого из вас не позовет. Подумай! Ну, давай, будь здоров *(пожимают друг другу руки)*, надеюсь, ты правильное решение примешь. Только не затягивай.

Снова гремит «Ты Кубань, ты наша родина», процессия во главе с Александром Николаевичем удаляется. Василий Георгиевич в задумчивости возвращается за стол совещаний, погружается в задумчивость.

Людмила Валентиновна: Василий Георгиевич, а с протоколом что делать?

Василий Георгиевич поднимает голову – участники совещания все еще мотают головами.

Василий Георгиевич: да что хотите!

Людмила Валентиновна *(удивленно)*: Что простите?

Василий Георгиевич *(приходя в себя)* извините, задумался. Пусть головой мотать перестанут – изгадят еще все паркеты. Напишите любой протокол – это сейчас не так важно. Обстоятельства изменились.

Эпизод четвертый: Исидор Семенович и миллиард.

Начало 2008 года. Москва. Офис Марка и Лёни. В офисе один Марк.

Марк: прошло уже больше полугода с того момента как мы выиграли этот идиотский контракт. Первое время Лёня был в эйфории, ходил на все совещания, едва ли не ежедневно встречался с Василием Георгиевичем и лицами, пользующимися его особым расположением. Его угощали чаем, на словах все время «кормили завтраками», но аванс не платили. Лёня, правда, отвечал тем же: работы толком никакой не велось, хотя он где то нашел двух студентов и даже отправил их на месяц в Сочи. Они не особо знали что делать, и в итоге просто проев командировочные, растворились где-то на черноморских просторах. В общем бестолковая движуха была налицо, а деньги тем временем все уверенней заканчивались.

Входит Татьяна.

Марк: привет Тань!

Татьяна: я сегодня вам никакая не Таня, а Татьяна Викторовна.

Марк: а что случилось?

Татьяна: да, в общем, ничего такого. Просто мне захотелось, чтобы сегодня было всё как в фильме «Кубанские казаки». Помнишь, он там говорил (*подражает*): эх, Галина Ермолаевна! С чувством так. Мне нравится.

Марк (*иронично*): н-да, ваша поездка с Лёней в Краснодар, конечно отпечаток наложила неизгладимый (*тоже подражает говору кубанских казаков*). Ну, так что же вы, Татьяна Викторовна?

Татьяна: да ничего – весь день ходили с Лёней и этим с сигарой. По-моему, он жулик. Они сейчас, кстати, сюда придут – Лёня никак не может запарковаться. Опять полдня сидели в кафе. Лёня постоянно ест, это что-то невообразимое!

Марк: это нормально. Он тебе успел рассказать краткую историю еврейского народа?

Татьяна: нет.

Марк: ну так вот. Краткая история еврейского народа выглядит следующим образом: Многие злые люди хотели уничтожить еврейский народ. Но! у них ничего не получилось. Так давайте в честь этого ...

Входят Лёня и Исидор Семенович

Лёня: ... немножко покушаем, совершенно верно! А что не понравилась кафешечка?

Исидор Семенович: отличная хинкальная! (*со значением*) Теперь бы чайку ещё – было бы восхитительно!

Лёня (*вкрадчиво*): Танечка, сделай нам чайку, пожалуйста, а мы пока тут поговорим.

Сцена в этот момент освещается таким образом, что делится на две половины. На одну половину уходит Таня, готовит чай, потом передает его Марку на другую половину, садится за столик и читает. На другой половине идет разговор Лёни, Марка и Исидора Семеновича.

Исидор Семенович (*затягиваясь сигарой*): ну так вот молодые люди. Я как вам конечно известно, в прошлом служил в разведке. Впрочем, бывших, как говорится, не бывает, бывает облегченный оперативный режим. И у меня есть твердые сведения насчет того, что после создания Олимпстройского маркизата ни один – подчеркиваю, ни один из нынешних замов не сохранит свой пост. В том числе и ваш патрон Василий Георгиевич.

Марк: ну об этом все Сочи, да и пол-Москвы уже судачит скоро как полгода.

Исидор Семенович (*нимало не смущаясь*): говорить могут о чем угодно, а вот знать достоверно никто не знает. Кроме узкого круга действительно посвященных, в который входит ваш покорный слуга. Информация правит миром, знаете ли. Так вот, перехожу к делу. Я соглашусь принять от вас в дар 51% акций вашего предприятия и обеспечу его раскрутку и выживаемость.

Марк: для начала - у нас не акции, у нас доли. И кроме того – вы будете уже третьим, кто на в последнее время предлагал нам подобное ...

Леня (*шипит на Марка*): прекрати сейчас же, я же тебя просил! (*Александр Семеновичу*): это очень интересно. В чем состоит ваш план?

Исидор Семенович: миллиард! (*Леня и Марк вопросительно смотрят на него. Затягивается сигарой, небольшая пауза*) я обеспечу увеличение суммы вашего контракта до миллиарда. Мои связи это позволяют.

Леня: рублей или долларов?

Исидор Семенович (*задумывается*): для начала рублей, а там посмотрим.

Марк: а сидеть кто потом будет?

Исидор Семенович (*улыбаясь*): вопрос в корне правильный, но ответ на него зависит от многих факторов. Даже так сформулирую: один из возможных ответов перед вами. Я же на свободе.

Леня: (*снова тихо Марку*): Марк, я тебя прошу, не порти впечатление (*Александр Семеновичу*): Нам интересны детали.

Входит Татьяна с чаем. Ставит на стол и уходит. В это время Исидор Семенович принимает позу лектора и начинает вещать

Исидор Семенович: начнем мы с биатлонной трассы ...

Татьяна выходит и с этого момента внимание зрителя переключается на неё. В другой половине сцены мужчины продолжают что-то обсуждать, но их слов не слышно. Постепенно свет на их половине сцены гаснет. Татьяна между тем подходит к столику, берет сценарий, читает вслух. На заднем фоне разыгрывается театр теней, иллюстрирующий прочитанное Татьяной.

Татьяна (*читает*):

В 1887 году совпадают сразу несколько событий: умирает Каренин, Сергей Каренин осуществляет свою угрозу - выгоняет Анну из дому, и становится известно, что Вронский жив. Практически разорившись, бывший блестящий офицер живет в небольшом волжском городе. На последние деньги Анна покупает билет на поезд и, похитив из дома Карениных револьвер, едет, чтобы отомстить отцу.

Вронский живет в приволжском городе Симбирске одиноко. Свет даже такого маленького городка после выхода в свет романа "Анна Каренина" не принимает его, и Вронский вынужден возвращаться в полусвете. Однажды он знакомится там со странной парой бывших каторжан, недавно амнистированных. Его зовут Родион Раскольников. Его молодая подруга - Катя Маслова. К Раскольникову Вронского привлекает еще и то, что волей случая они оба стали героями романов. Катя Маслова, бывшая проститутка, убившая любовника, завидует обоим и иногда говорит: "Вот напишу Льву Толстому, он и меня в роман вставит". Она даже иногда по вечерам пишет нечто вроде дневника, а потом отправляет листки в Ясную Поляну. На каторге она потянулась к овдовевшему там Раскольникову, но на свободе постаревший Родион не может идти ни в какое сравнение с сохранившим столичные манеры Вронским.

Раскольников в отчаянии, но сам он уже не может поднять руку на человека. Он решает найти исполнителя своей мести. Выбор Раскольникова падает на семнадцатилетнего гимназиста, у которого недавно казнен брат за покушение на

царя. Володя Ульянов, читавший о судьбе Родиона Раскольникова, соглашается и из рогатки, почти в упор, свинцовым шариком в висок убивает Вронского.

Эпизод пятый: явление первого маркиза Олимпстройского.

Москва, весна 2008 года. Большая зала приемов Олимпстройского маркизата. Толпятся просители: кубанцы, сочинцы, подрядчики. Также присутствует Василий Георгиевич в новом качестве – руководитель Департамента Реализации Полномочий. Также в первых рядах стоят Исидор Семенович и Леня.

Леня (*обращаясь в зал*): как хотите, а все вышло так, как сказал Исидор Семенович. Олимпстройский маркизат был создан, но ни Герман Оскарович, ни Василий Георгиевич в нем не очутились. Зато мы с Исидором Семеновичем попали на прием к Семену Михайловичу, первому маркизу Олимпстройскому. Дальнейшее будет вам более ясно, если упомянуть, что Семен Михайлович до назначения в маркизат всю жизнь проработал в сфере нефти и газа. А там есть пресловутое правило трех вопросов: если настоящий нефтяник или газовик при должности видит незнакомого человека, то первым делом спрашивает: а кто он такой? потом следует вопрос: а не пошел бы он на ... (ну, в общем, туда, куда обычно в России всех посылают). И наконец, если тот после второго вопроса все же никуда не ушел, его, наконец, спрашивают: а чего тебе нужно? О том, как и почему появилась столь своеобразная традиция, мы не знаем, но ясно одно – ритуальный посыл, содержащийся во втором вопросе, может и не нести никакого негативного смысла. Но, как это часто бывает в нашей жизни, слепое следование традициям становится причиной разного рода недоразумений.

Под звуки гимна Транснефти⁷ входит Семен Михайлович в сопровождении ветеранов трубопроводного транспорта.

Семен Михайлович (*громко и несколько хищно*): ну что ж, здравствуйте!

Все хором: здравия желаю, Семен Михайлович!

Семен Михайлович: молодцы, люблю, когда дружно отвечают! (*увидав Исидора Семеновича*) О, Семеныч! Сколько лет! Как сам? Еще не лопнул?! (*заразительно смеется. Свита подхватывает*)

Исидор Семенович (*по военному*): никак нет!

Семен Михайлович: вот люблю, когда человек шутки понимает! Как дирижопель твой? В строю?

Исидор Семенович: так точно!

Семен Михайлович: ну отлично, будь готов, возможно, скоро понадобится (*переходя к группе подрядчиков*) А это кто такие?

Первый ветеран трубопроводного транспорта: это подрядчики.

Семен Михайлович: О! Очень кстати. Господа, минуточку внимания! (*замечает в рядах подрядчиков одну женщину. Тихо, обращаясь к ветерану трубопроводного транспорта*) Я же просил – только генеральных директоров приглашать. Откуда тут бабы?

⁷ Источник -

<http://zaslushai.com/poiskm/%D0%B3%D0%B8%D0%BC%D0%BD%20%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C>

Второй ветеран трубопроводного транспорта (*тихо*): ну так она и есть генеральный директор. Женщина и генеральный директор в одном лице.

Семен Михайлович (*как бы про себя*): дожили, блин! Как мне теперь совещание проводить? (*снова громко, обращаясь к подрядчикам*). Итак, дамы и господа. Прошу внимания. Мне есть, что вам сообщить. Первое что хочу сказать: вы все работали плохо. Присутствие в этом зале дамы не позволяет мне в полной мере обрисовать насколько плохо, но поверьте мне: просто-таки ужасно. И любой другой на моем месте при виде результатов вашего труда сначала разрыдался бы как ребенок, а потом просто засудил бы. Как говорит наш Кормчий: намучаетесь пыль глотать. Но! (*делает небольшую, но значительную паузу*) у меня доброе сердце, и я готов дать вам шанс. Одним словом, в кабинеты должна стоять очередь! Вот вам мои заместители (*показывает на двух человек в свите*) – убедите их в необходимости не расторгать ваши контракты – ваше счастье. Нет, как говорится - горе побежденным. Все понятно?

Подрядчики (*хором*): понятно.

Семен Михайлович: ну и отлично. Люблю когда всем сразу все понятно. (*направляется к кубанцам. Тихо помощнику*) А это кто у нас?

Первый ветеран трубопроводного транспорта (*тихо*): кубанцы?

Семен Михайлович (*тихо*): Кто такие? Нефть добывать умеют? (*Первый Олимпстровец отрицательно мотает головой*) Тогда пусть идут отсюда. Кубанцы ... в жопе огурцы

Второй ветеран трубопроводного транспорта (*тихо, но яростно*): никак нельзя-с. Это люди Александра Николаевича, а у него вес на самом верху, знаете ли, с нашим еще поспорит.

Семен Михайлович (*тихо*): ну с излишним весом надо, допустим, бороться, тем более на самом верху. Того гляди кувырнешься, верх перевесит. Ладно, проявим политес (*обращаясь к кубанцам*) здравия желаю господу огур ... кубанцы!

Первый кубанец: рады приветствовать вас на кубанской земле!

Семен Михайлович: что Александр Николаевич? Здоров ли?!

Первый кубанец: вполне, премного благодарил за заботу.

Семен Михайлович (*иронично*): а вы к нам по какому делу? Не случилось ли чего?

Первый кубанец (*еще более иронично*): ну так Олимпиада же. Вот решили подсобить. Если конечно вы разрешите. Можно?

Семен Михайлович (*в тон ему, но еще и притворно душевно*): ну, какой разговор, вам все можно. Можно вовремя проектную документацию не сдавать, землю не выделять под объекты, график срывать. (*разводит руками*) Не вопрос!

Первый кубанец (*немного стушевавшись*): ну зачем вы так. У нас все по графику. Будет в срок. А если что и задерживается, так это сочинцы виноваты, анархисты поганые.

Семен Михайлович: буду счастлив. Пламенный привет Александру Николаевичу!

Первый ветеран трубопроводного транспорта (*восхищенно*): Семен Михайлович, браво! Как быстро вы его сделали!

Семен Михайлович (*самодовольно усмехается*): заметь, совершенно ничего не меняется. Помнишь, когда мы трубу через всю страну строили, в какой регион не придем везде одно и то же: нифига земля не выделена, изысканий никто не делал, карт нормальных нет. Так что тут можно сразу наезжать, не вникая. Риск ошибиться крайне мал. (*смотрит на притихших сочинцев*) Так а это кто?

Второй ветеран трубопроводного транспорта: Это как раз из администрации города. Анархисты-с.

Семен Михайлович (*направляется к сочинцам*): Здорово мужики!

Внезапно из толпы выходит человек и идет к Семену Михайловичу. Это порученец – Рыцарь Карающего меча им. Жака Рооге, перехватывает Семена Михайловича на полдороги.

Рыцарь Карающего меча им. Жака Рооге (*говорит с сильным акцентом*): Семен Михайлович, я прошу внимания.

Семен Михайлович (*удивленно*): Это еще что такое?!

Рыцарь Карающего меча им. Жака Рооге: Вы проигнорировали три наших запроса в отношении Генерального Графика. Потому я был вынужден приехать. Хочу отметить, что в целом Международный Олимпийский Комитет и лично господин Рооге находят подобное недопустимым ...

Семен Михайлович (*удивленно*): Это еще что такое?! Да кто ты такой!?

Первый ветеран трубопроводного транспорта (*полушепотом*): Семен Михайлович, это иностранец ...

Семен Михайлович (*распалаясь*): да я вижу, иностранец долбанный. (*с чувством*) Да пошел ты на ...

После этих слов протяжно звучит сирена: на сцене все замирают.

Леня (*возбужденно, с восторгом, обращаясь в зал*): хотите верьте, хотите нет, но я все это видел своими глазами. Это было потрясающе! Именно по этой причине я мечтал оказаться внутри Олимпийского движения.

Эпизод шестой: аудиенция у Великого Кормчего и первая порция судьбоносных решений.

Москва, резиденция Кормчего. В зале для совещаний толпятся приглашенные. Среди них Дмитрий Николаевич, Виталий Леонтьевич и Александр Николаевич. Все ждут появления Великого Кормчего. Дмитрий Николаевич, Виталий Леонтьевич стоят чуть в стороне разговаривают. Также неподалеку от них скромно стоит генерал ФСБ и прислушивается к разговору.

Дмитрий Николаевич: *«Наряжены мы вместе город ведать, но, кажется, нам не за кем смотреть»*

Виталий Леонтьевич (*удивленно*): чего?

Дмитрий Николаевич: Ничего. Это Пушкин, «Борис Годунов»

Виталий Леонтьевич: ааа ... как это не за кем? Вон сколько событий. Семен, конечно, начудил, будь здоров. Ну, поглядим еще, чем обернется.

Александр Николаевич проходит мимо, роняет на ходу

Александр Николаевич: глядеть, дорогие мои, надо, прежде всего, за Кормчим! А Семёны и прочие – это вторично (*удаляется*)

Виталий Леонтьевич (*с неприязнью*): фу, терпеть его не могу.

Дмитрий Николаевич: поговаривают, он в Приемники метит.

Виталий Леонтьевич: да кто ж его возьмет?!

Дмитрий Николаевич: да ясно что не возьмут, но ... поди ему объясни. Да и к чему?

Виталий Леонтьевич: и то верно. А то хвост то, хвост как распустил! Смех один! Я на минутку отойду (*уходит вглубь зала с кем-то разговаривает*)

Сзади к Дмитрию Николаевичу незаметно подходит Генерал ФСБ

Генерал ФСБ: Дмитрий Николаевич, здоровья желаю. (*Дмитрий Николаевич слегка вздрагивает*) Не надо оборачиваться.

Дмитрий Николаевич (*с сарказмом*): вы как всегда очень вовремя.

Генерал ФСБ: привычка такая – мы всегда заходим сзади (*смеется*) Как там наши английские друзья?

Дмитрий Николаевич: стараются вовсю. Вчера предложили вообще упразднить Олимпстройский маркизат и предложили взамен свои услуги. Разумеется, никакую ответственность на себя брать не готовы. Я так понимаю, у них скоро людей, после того как в Лондоне все построят⁸, будет девать некуда, вот и ищут применения.

Генерал ФСБ: я тоже так думаю. Вот что: запросите у них подробности. Пусть развернут панораму. Скажите что это интересно, можете даже сослаться на Кормчего. Мол, он готов рассмотреть варианты сотрудничества.

Дмитрий Николаевич: вы это серьезно?

Генерал ФСБ: более чем. Мне вообще не положено шутить. Не та должность. Поторопитесь - сейчас начнется церемония. Следующая встреча – через неделю в обычном месте, время на полтора часа позже обычного.

⁸ Примечание: летняя Олимпиада в Лондоне прошла в 2012 году и предшествовала зимней Олимпиаде в Сочи. Соответственно подготовка к играм проводилась синхронно на два года раньше.

Дмитрий Николаевич: хорошо, вас понял. (*в сторону*) как же вы все достали. Штирлицы недоделанные!

Звучит гонг, потом торжественная музыка. В зале приглушается свет. Откуда то сверху спускается задрапированный помост, на котором стоит Кормчий. Он кажется просто огромным: свет падает так, что тень от Кормчего кажется огромной и величественной. Все приглашенные замирают в восхищении, у некоторых оно граничит с ужасом.

Виталий Леонтьевич (*восторженно*): Мама дорогая!

Дмитрий Николаевич: у него там, наверно, экран какой-то увеличительный. А вообще, согласен, впечатляет!

Александр Николаевич (*тихо но сердито*): Дмитрий Николаевич, не кощунствуйте! Это величие человека, под началом которого нам выпало счастье служить на благо Отечества (*крестится*).

Конструкция зависает в воздухе. Кормчий поднимает руку – все замолкают.

Кормчий: Рассмотрев всесторонне ситуацию, учтя все надлежащие риски и сообразно сложной обстановки внутри страны и на её рубежах, принимая во внимание перспективы открывающиеся перед ...

Виталий Леонтьевич (*тихо в сторону*): Кто ему только тексты пишет, ничего не понятно!

Александр Николаевич (*также тихо в сторону*): Тише вы! Никто ему не пишет. Сам все сам!

Великий Кормчий: ... перед нами в нынешних обстоятельствах постановляю. Первое: маркиза Олимпстройского Семена Михайловича ...

Пауза. Все замирают в ожидании. На сцене незаметно для присутствующих появляется Семен Михайлович, на шее у него огромный орден

Великий Кормчий: ... НАГРАДИТЬ орденом Почетного Эскадрона с Винтом на Шею.

Семен Михайлович оказывается в центре внимания. К нему бросаются почти все присутствующие, начинаются поздравления овации.

Александр Николаевич (*зло в сторону*): С винтом на шею ему ... сука рваная!

Великий Кормчий: прошу еще немного внимания! (*все как по команде замирают*). Второе: ОСВОБОДИТЬ маркиза Олимпстройского Семена Михайловича от руководства маркизатом, выразив ему всевозможное почтение и благодарность за свершения на данном посту.

Все в растерянности и недоумении хлопают глазами. Перед Семеном Михайловичем м образуеться пустота – все в ужасе расступаются.

Александр Николаевич (*торжествующе в сторону*): Слава Богу, есть правда на земле. А то я уже сомневаться стал.

Великий Кормчий: Третье: НАЗНАЧИТЬ на должность маркиза Олимпстройского Виктора Владимировича, до сего дня градоначальника Сочинского

Растерянность достигает апогея. Присутствующие в шоке, они не понимают, как следует реагировать на новости. Немая сцена.

Великий Кормчий: в силу все озвученные решения вступают немедленно. Вас же дамы и господа благодарю и не смею больше задерживать. Единственное, о чем попрошу – это остаться еще на пару минут Дмитрия Николаевича. Всем спасибо.

Присутствующие расходятся. Сцена пустеет.

Семен Михайлович (*рассматривая орден, весело напевает на мотив «Марша советских артиллеристов»*):

Кавалеристы, Кормчий дал приказ
Кавалеристы зовет отчизна нас
Из многих тысяч батарей
За слезы наших матерей ...

Виталий Леонтьевич и Александр Николаевич, уходя со сцены, обмениваются впечатлениями.

Виталий Леонтьевич: Сильное решение, не находите?

Александр Николаевич: Не мне оспаривать мудрость Кормчего, но откровенно говоря я не понимаю ...

Сцена пустеет. На ней остается только Дмитрий Николаевич и Кормчий. Конструкция спускается на сцену, Великий Кормчий выходит и встает рядом с Дмитрием Николаевичем. Видно, что он совсем небольшого роста, во всяком случае, Дмитрий Николаевич выше. Они здороваются за руку.

Дмитрий Николаевич: здравствуйте.

Кормчий: здравствуйте Дмитрий Николаевич! Что хотел обсудить. Мы с вами сделали большое дело, выиграв право проведения Олимпиады. Но, к сожалению, настоящие трудности только начинаются.

Дмитрий Николаевич: нарастание неспортивной борьбы по мере построения Олимпиады?

Кормчий: именно. Уже сейчас понятно, что созданием Олимпстройского маркизата мы всех проблем не решим. Кроме того, надо признать, что у Германа Оскаровича дурная карма – все его идеи вроде бы логичны и перспективны, а на деле выходит черт знает что. Одним словом, надо засучить рукава и включаться в процесс.

Дмитрий Николаевич: я готов.

Кормчий: спасибо, иного ответа от вас и не ожидал. Мне нужен Генеральный График.

Дмитрий Николаевич: Этот тот, за который Семена уволили?

Великий Кормчий: да, он. Семен подготовил какой-то график. Он у меня где-то у бумагах у порученцев лежит.

Дмитрий Николаевич: Он вас не устроил?

Кормчий: честно говоря, я его даже не смотрел. Да если там все конгениально, он в любом случае не устроит МОК. Не мне вам объяснять, что это за люди ... барыги экстерриториальные. Я знаю более наглых жуликов только в ООН. Поэтому нам надо аккуратно заказать график ... возьмите хоть ваших англичан.

Дмитрий Николаевич: ну вы же знаете, что я выполняю задание ...

Кормчий: знаю, конечно. (*с легким сарказмом, но внешне доверительно*) коллега. Я бы взял немца, но боюсь, тут политически не пройдет. Как только они там у себя в Лондоне или Вашингтоне видят, что русский с немцем о чем-то договариваются, у них сразу же со страху рефлексивно начинается истерика и понос, и потом запах носит по всем дипломатическим каналам. Сейчас это преждевременно. Потому сделаем ещё раз приятное нашим злейшим друзьям. В интересах общего дела. Действуйте не прямо, а через нового маркиза. Он, наверное, до сих пор в шоке от своего назначения. Ловко я его выдвинул, не правда ли?! (*смеется*)

Эпизод седьмой: неофициальное рукоположение второго маркиза Олимпстройского.

На следующий вечер. Сочи, кабинет Виктора Владимировича. За столом он сам и его друзья анархисты – по совместительству служащие в сочинской администрации. На столе початая бутылка, закуска. Все сняли рубашки, сидят кто в майках кто с голым торсом. Видно, что у каждого есть татуировка с анархической символикой (батька Махно, черный флаг с черепом и костями, буква А в круге и т.д.). Рефреном звучит мелодия «Яблочко» затем к началу диалога смолкает.

Первый сочинец: Вить, а может это всё розыгрыш? Уж больно странно.

Виктор Владимирович: это вряд ли. Слишком сложно, либо все сговорились. Кубанцы уже звонили, поздравляли.

Второй сочинец: Могу себе представить, как их корёжило. Ихний то, небось, хотел сам порулить.

Третий сочинец: Подымай выше – он Преемником хочет.

Виктор Владимирович: ну вот потренироваться и собирался, наверное. Что делать то будем, мужики?

Первый сочинец: Давайте ещё выпьем. А то всё равно ничего в голову не лезет.

Чокаются, выпивают.

Второй сочинец (*поёт на мотив «Любо братцы любо»*):

Кинулась тачанка полем на Воронеж,

Все подхватывают:

Падали под пулями, как спелая рожь.

Сзади у тачанки надпись "Хрен догонишь!"

Внезапно входит Семен Михайлович. Он все еще при ордене, но уже не в костюме, а в шортах и изрядно навеселе.

Семен Михайлович (*декламирует*): «Спереди тачанки надпись "Не уйдешь!"⁹. здорово мужики!

Первый сочинец (*не слишком приветливо*): Только слова у тебя не правильные. «Живым не уйдешь» надо. Здорово Семен, коль не шутишь.

Семен Михайлович: Не шучу. Сидите, сидите, не надо наколки прятать. И так все знают про ваше Гуляй-Поле. Я не за этим пришел. Разговор есть.

Виктор Владимирович: а до завтра не терпит?

Семен Михайлович: Вить, я завтра с утра улетаю. В те края, где поспокойнее. Орден орденом конечно, но ведь могут и передумать – знаю я их. А сказать тебе кое-что надо. Отойдем к окошку?

Виктор Владимирович кивает. Подходят к окну

Семен Михайлович: так вот. Хочу предупредить – должность эта расстрельная. Пока что не в прямом смысле, но не исключено, что скоро в кавычках надобность отпадет. У меня то, с Кормчим, как это говорилось в советское время: мир гарантией которого выступает

⁹ Официальный гимн Сочинского анархического батальона. Стихи Нестора Махно ссылка - <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/stihimahno.php>

угроза взаимного уничтожения. Потому и орден, и туману напустили. А вот ты ... у тебя жопа не прикрыта вообще никак. И друзья твои кубанские: не мне тебе про них рассказывать. Одним словом, что бы ты ни делал, крайним будешь обязательно. Тебя назначили от безысходности, и потому защищать никто не станет. Единственный твой шанс – это быть очень полезным МОКу и через это стать необходимым всем. Понятно излагаю? (*Виктор Владимирович кивает*). Иначе сожрут, и не подавятся. И завод твой плиточный тоже не сбережешь. Поэтому мой тебе совет – займись перво-наперво Генеральным Графиком

Виктор Владимирович: а что это такое?

Семен Михайлович (*иронично*): современное воплощение Священного Грааля (*смотрит на Виктора Владимировича: тот глупо хлопает глазами, вздыхает*) да шучу я, шучу. Понимаешь, какое дело. Кормчий пока Олимпиаду выигрывал, кто-то в каких-то Гватемалах ему сказал про Генеральный График. Мол, вот должен быть Генеральный График, тогда все наладится (*заводясь*) Вот, мать твою, без Генерального Графика ни хрена ничего стоять не будет.

Виктор Владимирович: я все равно не понял: что за график-то?

Семен Михайлович (*раздосадовано*): да план работ обычный. Только на всю Олимпийскую программу, на все объекты. Красивый такой, весь в черточках. Вообще то, он на любой стойке делается, только все в итоге на него плюют. Это может японцу какому впору хакари делать, если вдруг в срок не уложился. А мы в России живем: на нашего человека пока как следует не гаркнешь, он и не пошевелится. Он тебя просто не слышит - привык уже, что если не орут дурниной, так значит все нормально, можно дальше спать. Короче говоря, сделали мы этот Генеральный График, мать его. Отдали Кормчему как просил. Да свой экземпляр потеряли. Сам не знаю, как так вышло: нету его ни в бумажном виде, ни в электронном. И что там было никто не помнит – не до того, знаешь сам: пока совещания пока то, да сё. А МОК тут как тут – вот вынь да положь. Не просить же у Кормчего обратно отдать – стыда не оберешься. Так что теперь тебе, Витя, это придется расхлебывать. Они все с ума сошли с этим графиком. Строить никто ничего не строит, землю не выделяют, проектирование как попало идет, а все бегают и орут: график, график. В общем, будь осторожен. И удачи тебе, Витя.

Виктор Владимирович (*растрогано*): и вам ... и тебе Сеня не хворать. Спасибо что предупредил. Я честно говоря не ожидал. (*обнимаются*)

Семен Михайлович (*усмехается*): Ерунда-ерунда. Я принципиальный, но зла никому специально не желаю. Ладно пора мне. (*высовываясь в окно кричит*) Семеныч! Давай сюда.

Откуда-то сверху появляется дирижабль в кабине Исидор Семенович. Он бросает трап прямо на подоконник. Семен Михайлович выходит прямо в окно.

Семен Михайлович (*оборачивается, машет рукой*): Счастливо, мужики!

Карабкается по трапу и улетает под музыку Трофима «Город Сочи». Сочинцы удивленно смотрят ему вслед.

Третий сочинец: Вить, что это вообще было? И как он интересно тут летать может – у нас же трасса правительственная под боком? Собьют же.

Виктор Владимирович (*вздыхает*): похоже, Сань, это мне дела передали. Второй маркиз я теперь Олимпстройский. А как и кто летает ... ты знаешь, что-то мне подсказывает, что скоро тут и не такое полетит. Все удивятся просто, что тут твориться начнет. Завтра с утра хорошенько умойте хари и одевайте пиджаки, пойдем вступить в должность.

Эпизод восьмой: Александр Николаевич наносит ответный удар.

Несколько дней спустя. Краснодар. Администрация края. Зал для совещаний с большим гербом Кубани на стене, портретом Кормчего и Александра Николаевича. Присутствуют: Александр Николаевич, Василий Георгиевич, лица, пользующиеся его особым расположением.

Александр Николаевич: Нас, безусловно, разочаровали последние назначения в маркизат. Подчеркиваю не меня лично, а нас - всю многонациональную Кубань! И, с нашей точки зрения, было бы неправильно оставить это дело без адекватного ответа. Мы должны доказать всем, кто, к сожалению, этого не понимает, что без конструктивного сотрудничества с Краснодарским краем качественная подготовка к Олимпиаде невозможна. И мы это докажем! (*решительно встает*). Попрошу вас, Василий Георгиевич, изложите ваши соображения.

Василий Георгиевич: правильно ли я понимаю, что мы должны неявным образом доказать всем участникам процесса, что без Краснодарского края Олимпиаду не построить.

Александр Николаевич: Верно.

Василий Георгиевич: в связи с этим мы должны организовать работу таким образом, чтобы без нашего одобрения ни один вопрос в принципе не решался. Неважно – имел он к нам отношение до сего дня или нет.

Александр Николаевич: Золотые слова!

Василий Георгиевич: Спасибо! В связи с этим предложения у меня следующие: три стандартные процедуры, хорошо себя зарекомендовавшие. Первая – плотно поработать с техническими заданиями. Это у нас специалист Галина Алексеевна. Все задания по объектам, попадающие нам на согласование – дополнять и исправлять, с целью максимально запутать.

Галина Алексеевна: справимся не впервой. Не извольте беспокоиться.

Василий Георгиевич: Второе – транспорт. Это объективно слабое место в Олимпийской программе и им займется Христофор Панаётович. Путем тотальной координации. Задача – непрерывно проводить совещания, приглашать всех кого нужно и кого не нужно, принимать взаимоисключающие друг друга резолюции или содействовать их принятию. Так чтобы в итоге никто не то, что разобраться в вопросе – даже доложить внятно ничего не мог.

Христофор Панаётович: задание понятно. Фигурально выражаясь, сейчас там семеро няnek: маркизат, минтранс, край, город, железнодорожники, инвесторы. И дитя, скорее всего, так и так было бы без глаза, но нам важно, чтобы у данного дитяти не было шансов оторвать глаза, пока это не нужно.

Василий Георгиевич: Именно. И наконец, третье направление. Это за вами, Людмила Валентиновна. Вы ведь еще входите в маркизат?

Людмила Валентиновна: Да.

Василий Георгиевич: Ваша задача – укреплять неформальные связи с маркизатом, попытайтесь выиграть какой-нибудь контракт и старайтесь быть в курсе ключевых событий. Одним словом, шпионаж.

Людмила Валентиновна: Спецтехники и спецсредства применять?

Василий Георгиевич: без крайней необходимости не стоит. Только в целях сбора информации. А уж мы тут (*улыбается*) сумеем ей правильно распорядиться.

Александр Николаевич (*перебивает*): одно маленькое уточнение, Василий Георгиевич: не мы, а я. Без моего одобрения попрошу ничего не предпринимать. В целом мне нравится ваш план, но должен вас предупредить: не мы одни такие умные. И в Маркизате, и в Минтрансе и у прочих федератов (*запинается*)... простите, конечно же, федералов ... уже, думаю, созданы аналогичные группы. С задачами, прямо противоположными. Поэтому прошу настроиться на серьезную работу, можно даже сказать борьбу. Будет жарко. Но верь что победим. (*встает по стойке смирно. Все встают за ним*). С богом! (*в дверях появляются кубанцы. Звучит гимн «Ты Кубань, ты наша родина».*)

Эпизод девятый: раздел подрядов и явление Джеймса Взбздонда.

Начало августа 2008 года. Сочи. Зал заседаний. Большой круглый стол. С одной стороны к нему под звуки гимна Кубани медленно выходят Василий Георгиевич и лица, пользующиеся его особым расположением. С другой стороны под звуки «Яблочка» к столу выходят сочинцы, которые теперь занимают посты в Олимпстройском маркизате. С минуту все молча смотрят друг на друга тяжелым, недобрыми взглядами. В это время на краю сцены появляется Татьяна и произносит монолог.

Татьяна (*в зал*): надо сказать, что с назначением Виктора Владимировича Вторым Маркизом Олимпстройским а Василия Георгиевича – Руководителем Департамента по Реализации Полномочий работа закипела. Совещаний стало вдвое больше, истерики на них стали случаться втрое чаще. При этом, не нужно думать, что вся прочая работа стояла на месте. Сотни людей не покладая рук что-то оформляли, отчуждали, согласовывали, выкапывали, потом снова закапывали. Но наша история, как вы, наверное, дорогие зрители, уже успели заметить, о том, как принимались судьбоносные управленческие решения.

Во время монолога Татьяны мизансцена меняется. Теперь противоборствующие стороны сидят за столом, кроме того, к ним незаметно присоединился генерал ФСБ.

Первый сочинец: ну так что делать то будем? Как ни противно, а надо договариваться

Василий Георгиевич: согласен. Предложение такое – нам Адлерское кольцо, а вам развязка Донская-Виноградная

2-ый сочинец: ишь чего захотели! И Джугбу им отдай, и подходы к тоннелям, и кольцо.

Генерал ФСБ (*негромко, но отчетливо*): и Бобруйск впридачу!

Василий Георгиевич (*смеется*): действительно, наши переговоры все больше и больше напоминают мне Сухаревскую конвенцию. Что сказать – великая книга «Золотой теленок» (*все смеются, обстановка несколько разряжается*) Хорошо, давайте уравновесим. За Адлерское кольцо отдаем Донская-Виноградная плюс очистные сооружения.

Первый сочинец: очистные и так наши.

Василий Георгиевич: ну это как посмотреть. Вы же их до такого состояния довели, что обосновать передачу в край будет крайне просто. Также как и свалки. (*обращаясь к генералу ФСБ*) Или я ошибаюсь?

Генерал ФСБ: вы знаете, Василий Георгиевич, как я вас уважаю, но поймите: я в данном процессе нахожусь в режиме наблюдения. Это ваше внутреннее дело как вопросы решать. Но думаю, в ваших словах есть определенный резон, потому что сроки поджимают, а дело двигается плохо.

Василий Георгиевич красноречиво кивает в сторону генерала.

Первый сочинец: ладно, давайте меняем Адлерское на Донскую-Виноградную с тем условием, что в очистные вы не суетесь

Второй сочинец: и в мусор тоже.

Первый сочинец: да, и в мусор!

Василий Георгиевич: по рукам (*пожимают друг другу руки*).

Христофор Панаётович: коллеги, одну минутку. Мы забыли про светофоры.

Василий Георгиевич: какие еще светофоры?

Христофор Панаётович: обычные. Там же сгнило всё – последний раз аккуратно перед войной ремонтировали как следует. Когда дачу Сталину строили.

Первый сочинец: ну мало ли чего у нас где сгнило. В Программе это есть?

Второй сочинец: и деньги тоже – есть ли?

Первый сочинец: да-да и деньги!

Христофор Панаётович: так в том и дело, что в Программу то включили, а денег не добавили. Минфин не посчитал нужным.

Василий Георгиевич: начинается ... (*закрывает лицо рукой*) ... ехал Кудрин через Кудрин, видит Кудрин в речке Кудрин ... Как говорится Родина вас не забудет...

Третий сочинец (*заканчивает фразу*): ... но пулемет я вам не дам.

Галина Алексеевна (*шуршит бумагами*): я сейчас посмотрела: в ответственных исполнителях мы совместно записаны.

Василий Георгиевич: у вас резервы то в бюджете остались?

Первый сочинец: остались, но правду говоря, мы их на другое хотели потратить. Да и потом – у нас чтобы контракт заключить наблюдательный совет надо пройти, там все это начальство большое, скандалить опять все будут. А у вас как?

Василий Георгиевич: да аналогично (*небольшая пауза*). Вот что, коллеги. Поскольку в Программу это попало, замылить вопрос не получится. Придется делать. Ущерб для нас и для вас одинаков, предлагаю бросить жребий. Проигравший на себя светофоры эти и возьмет

Второй сочинец: а давайте как с портом этим Имеритинским: в дурачки сыграем. Мы так делали с инвестором – серия до 4-х побед. Проигравший строит объект, ну в нашем случае – проектирует. В подкидного, а?

Галина Алексеевна (*чеканно*): мы только в переводного!

Первый сочинец: да ну, какой подкидной! Времени совсем нет. Давайте монету кинем. Орел – светофоры за наш счет, решка – за ваш.

Василий Георгиевич: принято. Это справедливо. Кто будет кидать?

Третий сочинец (*с сарказмом*): разве мы можем доверять людям, которые только что пытались отнять у нас очистные и мусор?

Галина Алексеевна (*в тон ему*): а как мы можем доверять людям, которые хотели нас обмануть на Адлерском кольце?

Первый сочинец: н-да ... мы так вообще ни до чего не договоримся (*смотрит на генерала*) О! Генерал!

Генерал ФСБ (*встревожено*): не-не-не! ребят вы чего!? Я ж в режиме наблюдения.

Василий Георгиевич (*проникновенно*): это вопрос государственной важности! И потом – мы не в претензии. Как будет, так и будет. Окажите нам, пожалуйста, эту маленькую услугу

Генерал ФСБ (*смягчаясь*): ну ладно, давайте монетку.

Первый сочинец: орел – наш бюджет

Василий Георгиевич: решка – наш.

Генерал кидает монету. Но в этот момент в комнату неожиданно входят Виктор Владимирович, Дмитрий Николаевич и английский шпион Джеймс Вэбздонд. От удивления генерал не успевает поймать монету, она укатывается под стол.

Дмитрий Николаевич (*весело*): ну вот, я смотрю тут всюду в пристенок играют. А вы говорили - совещание.

Виктор Владимирович (*в тон ему, но с завуалированной угрозой*): сейчас мы разберемся, кто тут играет в азартные игры в рабочее время. Всем здравствуйте!

Все присутствующие нестройно отвечают «Здравствуйте».

Виктор Владимирович, Дмитрий Николаевич и Джеймс садятся за стол.

Виктор Владимирович: разрешите вам представить нашего английского друга Бздонда Ждеймса.

Джеймс: я есть просить прощения у мой русский друзья и коллеги: ай эм э Взбздонд!
Джеймс Взбздонд!

Генерал еле сдерживает смех. Все присутствующие переглядываются, смотрят на генерала и ничего не понимают. После секундной заминки заседание продолжается.

Виктор Владимирович: да-да, конечно. Джеймс любезно согласился нам помочь с Генеральным графиком. Его связи в международных спортивных организациях позволят нам уверенно смотреть в будущее ... я правильно понимаю? (*Джеймс и Дмитрий Николаевич одобрительно кивают*). Осталось только понять, кто и как это все профинансирует.

Дмитрий Николаевич (*удивленно*): Я полагал, что этот вопрос решен ... маркизат должен понимать всю важность ...

Виктор Владимирович: не извольте сомневаться, маркизат прекрасно понимает. Но заковыка в том, что бюджет наш весь выбран. Но у нас совершенно нет лимитов. Еще светофоры эти. А чтобы увеличить суммы нужно выносить на наблюдательный совет. Это не быстро, да и вопросы будут ненужные возникать, не мне вам рассказывать.

Дмитрий Николаевич: Это верно. Тогда, уважаемые коллеги, предлагаю пойти на небольшую хитрость. Пусть наши английские друзья заключат договор не с маркизатом напрямую, а с одним из ваших подрядчиков.

Василий Георгиевич: да, это будет наилучшее решение в данной ситуации.

Виктор Владимирович: я одного не могу понять: деньги то откуда возьмутся? Наш английский друг весьма недешев (*в сторону*) штырь ему в забрало!

Джеймс: да, мой услуга весьма недешев: это вообще-то стоить один миллион американский доллар, но из уважения к мой русский друг я готов сделать хороший скидка.

Василий Георгиевич: а я вам скажу, Виктор Владимирович. Еще при прежнем маркизе был заключен контракт на создание Геоинформационной Системы. Как раз на миллион долларов, если в пересчете. Контракт правду говоря странный, ни с чем не сообразный. Для серьезной системы мало, для халтуры много, а для нашего случая - в самый раз. Если, конечно, вы эти деньги ещё не освоили.

Виктор Владимирович: да нет, не успели еще. Тут как раз вчера приходил исполнитель., Забыл как его зовут. Странный он какой-то

Василий Георгиевич: Лёня его зовут. Ну, я думаю, с ним проблем не будет. Да и контракт он в свое время получил во многом случайно.

Виктор Владимирович: как это?

Василий Георгиевич: с улицы пришел, по конкурсу. Ничей он.

Дмитрий Николаевич: я и не знал, что такое бывает. Как же это так вышло?

Василий Георгиевич: было это в правление Германа Оскаровича. Как вы, наверное, знаете, он большой либерал и высоко ценит формальную сторону дела: чтобы все было как в книжках. Ну и пару контрактов приказал разыграть в строгом соответствии с законодательством. В том числе и этот.

Все присутствующие дружно смеются.

Первый сочинец: это ж надо!

Второй сочинец: ой, не могу слезы даже из глаз. Уморил!

Христофор Панаётович: если бы не Василий Георгиевич про это говорил, никогда бы не поверил.

Галина Алексеевна: я тоже долго поверить не могла.

Василий Георгиевич: ну мой опыт говорит о том, что у почти всех крупных начальников есть такие специфические причуды, если не сказать заскоки.

Дмитрий Николаевич: а мой опыт говорит о том, что чем крупнее начальство, тем этих заскоков больше. Растут в геометрической прогрессии.

Веселый смех присутствующих становится приглушенным, потом затихает.

Эпизод десятый: меж двух огней невидимого фронта.

Несколько дней спустя. Москва, офис Лёни и Марка. Татьяна сидит за столом. Входит Марк.

Марк: привет! Ты не видела Лёни сегодня?

Татьяна: привет! К нему пришел какой-то англичанин. Они в переговорной заперлись, второй час пошел. Чего ты такой смурной?

Марк (*хмуро*): да так, ничего особенного.

Татьяна вопросительно смотрит на Марка. В этот момент из соседней комнаты выходят Лёня и Джеймс Взбздонд.

Лёня: о! а вот и Марек! Разреши представить тебе: мистер Взбздонд. Подданный её величества. Он будет нашим субподрядчиком по геоинформационной системе. Будет делать Генеральный График.

Джеймс Взбздонд: Глэд то мит ю. Мне отшень приятно. Ай эм э Взбздонд! Джеймс Взбздонд!

Марк (*очень удивленно*): Лёня, что происходит!? Что это за цирк шапито?!

Лёня: Марк, только не начинай. Мы сейчас проводим господина Взбздонда и спокойно поговорим.

Лёня пытается выпроводить Взбздонда к выходу. В этот момент в дверях появляется Генерал ФСБ. Он сталкивается с Взбздондом, возникает минутное замешательство.

Генерал ФСБ: Добрый день. Простите что без стука – у вас было всё настезь. Можно войти? (*все обмениваются рукопожатиями с генералом*). О, я вижу у вас тут господин Взбздонд.

Джеймс Взбздонд: та, я уже собрался уходит. Гет аут, как говорится.

Генерал ФСБ: О, так я вас провожу! (*Лёня пытается присоединиться, но генерал жестом его останавливает*) Ленечка, не трудитесь! Я быстро, а потом у меня к вам будет дело. Мне с нашим английским другом надо перекинуться парой слов.

Генерал и Взбздонда отходят в один угол сцены. В другом углу сцены Лёня и Марк о чем-то беседуют, оживленно жестикулируя, но их диалога не слышно. Внимание зрителя сфокусировано на диалоге Генерала и Взбздонда.

Генерал ФСБ: Ну, здорово, Майлз!

Джеймс Взбздонд: (*безо всякого акцента на чистом русском языке*) Привет Василич! Сколько зим!

Генерал ФСБ: Это да. Ты знаешь, я когда я услышал твой новый псевдоним, я чуть со смеху не помер. Зачем ты такую легенду себе взял?

Джеймс Взбздонд: да это всё из-за начальства. Нам тут такого идиота прислали. Просто клинический случай. Потомственный полицейский из индийских колоний. Стал мне на полном серьезе рассказывать, как работать в России. При том что сам тут никогда не был и вообще оперативного опыта не имеет никакого.

Генерал ФСБ: не пейте с медведями чистый спирт и не играйте на ядерной балалайке?

Джеймс Взбздонд: ну до этого дело не дошло, но поверь - совсем чуть-чуть. Я решил, что это тонкий колониальный юмор, тоже решил пошутить, заполнил заявку на такое вот имя. А он возьми и дай команду оформить документы. Придурок. И так во всем. Работать невозможно.

Генерал ФСБ: У нас такая же история. Начальство, по-моему, во всем мире синхронно с ума съехало в последнее время. Начиная со второй Иракской войны. Мойшу тут видел недавно – он тоже жаловался – МООСАД, говорит, стал не тот.

Джеймс Взбздонд: Вэй, Мойша ... жив старикашка? Как у него дела?

Генерал ФСБ: Да так то вроде все ровно у него. Консультирует, пенсионер военный. Рыбку ловит. Нормально поговорили. Помню, он тогда со мной почти год не разговаривал?

Джеймс Взбздонд: ну это он с тобой не разговаривал, а мне раз в неделю предлагал тебя похитить. Ему начальство запретило применять силу, так он на нас это свалить хотел. Все обижался из-за танка пропавшего. Тебя подозревал.

Генерал ФСБ (*смеется*): тоже мне Отелло. Кстати говоря, я тут не причем. Помнишь, у нас был такой Исидор, лысый? Военная разведка. Это он угнал. Кстати сказать, он тоже в Сочи тут ошивался одно время. Раздобыл где-то дирижабль, летал, катал Первого Маркиза. Важный такой, с сигарой. Не узнает никого.

Джеймс Взбздонд: неужели на танк дирижабль сменял?

Оба весело смеются

Генерал ФСБ: да, что ни говори, а хорошо было в долине Бекаа ...

Джеймс Взбздонд: эх, молодость ... где ты теперь?!

Генерал ФСБ: теперь другие времена. Кстати, ты-то здесь в связи с чем?

Джеймс Взбздонд: а то ты не знаешь?!

Генерал ФСБ (*весело*): да знаю, конечно. Но ... ты представить себе не можешь, как приятно тебя допросить.

Джеймс Взбздонд (*весело*): всё издеваешься, сатрап!? (*переходит на серьезный тон*) Вы же сами предложили, ваша инициатива была.

Генерал ФСБ: да без вопросов. Вы главное не накосячьте с графиком!

Джеймс Взбздонд (*с издевкой*): Накосячить больше чем вы? Разве так может быть?

Генерал ФСБ (*с не меньшей издевкой*): человеческие возможности безграничны. Вам ли в Англии этого не знать. Ладно, Майлз, рад был повидаться. Хотя ты же теперь Джеймс (*смеется*). Кстати, а зачем ты симулируешь немецкий акцент? Еще карикатурно так: матка, яйки ...

Джеймс Взбздонд: скучно одному выглядеть идиотом. А так все же серьезно пытаются понять, что я говорю. Да и вопросов лишних не задают. (*снова переходит на ломанный русский*) Ладно, Васильитч, я есть пойти в мой офис. Фискульт-привьет!

Уходит.

Генерал ФСБ (*все еще смеясь, но с примесью раздражения*): вот клоун, ё-пэ-ре-сэ-тэ. Как был, так и остался. Да, неожиданно судьба как повернулась!

Возвращается в офис Лени и Марка. Леня и Марк продолжают о чем-то оживленно спорить, при виде Генерала замолкают.

Генерал ФСБ (*профессионально-деловито*): ну так что ж, молодые люди. Как прикажете с вами быть?

Марк: вы это о чём?

Генерал ФСБ: как о чем! Об измене родине, о незаконном вывозе капитала – да у вас тут событий на десяток статей уголовного кодекса...

Марк (*с иронией*): хорошо хоть не о правотроцкистском центре и покушении на Сталина.

Леня: а в чем собственно дело? Вы же сами участвовали в заседании, когда Виктор Владимирович попросил нас помочь с англичанами этими.

Генерал ФСБ: присутствовал, но не участвовал. Ощутите разницу. Я нахожусь в режиме наблюдения, и в мои полномочия не входит обсуждать правомерность решений, принимаемых маркизатом. Но как лицо, отвечающее за государственную безопасность, и как патриот своей страны, я не могу не сказать вам: не ввязывайтесь в это дело.

Леня: как это возможно? Я же обещал Виктору Владимировичу, да и бумаги мы завтра подписываем.

Генерал ФСБ (*с нажимом*): а я вам говорю – не рекомендую! Считайте это официальной рекомендацией ведомства, которое я представляю.

Марк: и чего нам делать?

Генерал ФСБ (*с еще большим нажимом, переходящим в пафос*): молодые люди, услышьте меня – не рекомендую! А уж что делать – это каждый человек должен решить для себя сам. Принять ответственное решение. За которое потом будет не стыдно. Перед собой и перед Родиной. Хотя ... (*смотрит на Леню и Марка*) ... в вашем случае о родине говорить довольно сложно. У вас же их несколько: одна историческая, другая «эта страна» Впрочем, желаю вам счастливо оставаться. (*уходит*)

Повисает некоторая пауза.

Леня (*нервно*): это вопиющий антисемитизм!

Марк (*вздыхая*): Леня – сколько раз тебе говорить: антисемитизм – это когда девки не дают, а это был геноцид. Запомни уже.

Леня: Марек, ты не находишь что твои дебилские шутки не только не смешны, но и неуместны. Что делать то? Подписать – ФСБ наедет, не подписать – контракта не видать нам.

Марк: да, денег не вернешь. Мы ещё должны тут всем. Надо ...

Леня (*внезапно, с жаром*): Надо ехать! Именно на историческую. Немедленно.

Марк (*саркастически*): ага, подписать и ехать. Или не подписывать и все равно ехать. А там в кибуце кусты стричь всю жизнь? От кредиторов прятаться? Красота!

Леня: хорошо, что ты предлагаешь?

Татьяна: мужчины, можно я скажу! (*Леня и Марк удивленно оборачиваются к ней*) Я конечно, женщина глупая и все такое, но мне кажется, что если вы подпишете, то особо ничем не рискуете.

Марк: почему, Тань?

Татьяна: вы газеты читаете? Или хотя бы интернет? У нас тут со дня на день война с Грузией может случиться. Не дай бог конечно, но очень и очень возможно. Тогда всем этим дядям с погонами будет точно не до нас. И вообще, Олимпиаду могут сорвать, если в Абхазии серьезно воевать начнут.

Леня (*саркастически*): Тань, это ты интернета узнала?

Татьяна (*в тон Лене*): нет Лёнечка, это я в девяносто первом и девяносто втором году совсем маленькой с папенькой и маменькой в военном городке в Грузии проживала. Дочь

офицера я. Тогда перед войной было примерно тоже самое – мне есть с чем сравнить. И у кого спросить тоже. (*пародируя генерала ФСБ*) Поэтому, коллеги, полагаю подписание контракта с английскими шпионами увлекательным, но ни к чему не обязывающим мероприятием.

Леня (*улыбаясь*): Марк, дорогой, мы попали с тобой в самое жерло шпионских страстей. До сегодняшнего дня я хотя бы был уверен, что хотя бы мы трое: ты я и Таня – люди сугубо штатские, но теперь ...

Марк: Таня, прошу тебя, ответь: ты ведь не шпион? Не резидент пакистанской разведки?

Татьяна: скажу вам только одно: я согласна порвать все отношения с пакистанской разведкой, если вы мне дадите премию.

Леня (*замявшись*): ну премию не премию, а в ресторан сходить можно.

Татьяна (*разочаровано*): ну начинается.

Леня: Танечка, сейчас с деньгами очень плохо. Давайте скромно посидим, а закажу столик на послезавтра. Я знаю прекрасное местечко. Там только надо заранее бронировать.

Марк: Это какое число будет?

Леня: получается, что восьмое августа.

Все замирают. Свет гаснет, внимание зрителя фокусируется на Татьяне.

Татьяна: восьмого августа 2008 года мы в ресторан так и не пошли. И действительно началась война. Грузия напала на Южную Осетию. Хотя и длилась эта война всего пять дней, унесла она слишком много жизней. В остальном же, я оказалась права. Лёня подписал контракт со шпионами-англичанами, и ничего плохого никому за это не было. Правда и ничего хорошего тоже. Но как говорится, хорошей вестью является уже само по себе отсутствие плохих новостей.

Конец первого тома.

Том второй: миттеншпиль и сразу нахшпиль.

Эпизод одиннадцатый: явление третьего маркиза Олимпстройского.

Начало июня 2009 года. Сочи, шашлычная «Белые ночи» вечер. За несколькими столиками сидят сочинцы, спортсмены, железнодорожники, поставщики и подрядчики. Они разговаривают, но зрителям этого не слышно. На сцену выходит Лёня.

Лёня: в то лето в городе Сочи часто пахло грозой. Как в прямом, так и в переносном смысле. Особенно наглядно это проявлялось в кафе «Белые ночи» Место это примечательно, прежде всего, тем, что там действительно вкусно кормят. И потому коренные сочинцы, а также гости города, даже находящиеся в немалом статусе и при должности, старались обязательно поужинать именно здесь, а после уже отправляться по увеселительным и деловым мероприятиям. В «Белых ночах», можно было встретить решительно всех участников олимпийской программы. Описываемый нами вечер не стал исключением.

Лёня проходит и садится за один из столиков к подрядчикам. Марк уже сидит за другим столиком вместе со спортсменами. Зрителям становятся слышны разговоры в кафе. Последовательно слышно, что говорят за столиками. Первый столик – подрядчики

Первый подрядчик: да, мужики времена непростые.

Второй подрядчик: я слышал вчера Кормчий по телеку сказал, что на безопасность движения выделяют какие-то миллиарды.

Третий подрядчик: ну это верный признак того, что никому платить ничего не будут. Помнишь. как в том году было с экологами. Им тогда тоже по телевизору обещали 500 миллионов, а в итоге ничего этого не было, более того: даже по подписанным актам почти год не платили.

Лёня: а кстати, как же с экологами то? Я помню, в прошлом году один эколог выступал, про тритонов рассказывал – прям у всех слезы из глаз были!

Первый подрядчик: как говорится: побольше поплачешь, поменьше пописаешь. Слушания были, конечно, и резолюция была. На красивой бумаге. Но в итоге все равно территорию щебнем засыплют да химикатами польют – какие тут тритоны. Люди бы уцелели.

Второй подрядчик: да, по щебню вопрос решенный. Я тут намеренно пытался предложить маркизату сэкономить на дорожном строительстве – даже слушать не стали. Уже говорят поздно. Надо было раньше.

Третий подрядчик: а раньше говорили – приходи попозже. Как говорил дедушка Ленин: вчера было рано, завтра будет поздно (*смеется*) у нас тут все время так.

Второй столик – спортсмены

Первый спортсмен (*слегка заикается*): я одного п-понять не могу – вот мы строим, строим, а как же технологии. Помнишь в Турине санно-бобслейную трассу строили под Ц-цогелера, итальянца.

Второй спортсмен: да, я слышал, ему проектировщики обещали, что он на этой трассе нашего саночника Демченко обгонит на 0,3 секунды. А когда наш отстал всего на 0,1 секунды, у итальянца такие глаза были – выпученные. Говорят он даже о своей победе не вспоминал, а все твердил – «Демченко – атлет».

Третий спортсмен: ну это преувеличение, конечно. Я же там был: вспоминал он, прежде всего, себя любимого. Но и нашего упомянул уважительно. Что сказать – хорошо тогда выступили, если б не трасса эта – золото наше бы было.

Марк: я не понял: а нашу-то трассу под кого строят?

Повисает некоторая пауза.

Первый спортсмен: а ч-чорт его знает! Может федерация и делает чего ... никто толком ничего не знает. Будем надеяться, что они с-старый чей-нибудь проект не взяли десятилетней давности.

Второй спортсмен: да, главное чтобы как с лыжами не получилось. А то несколько лет назад был случай: закупили у финнов лицензию на лыжи. Все думали суперсовременная технология, а потом оказалось, что финны продали нам старую модель лыж, которую они списали еще в 1999 году. А сами бегали на лыжах следующего поколения – наших как стоячих обходили.

Третий спортсмен: ну даже если и новые лыжи купят – это полбеды. Вон у Бьйорндалена говорят – 70 пар лыж, и накатывают ему их ему человека три или четыре.

Марк: что делают?

Третий спортсмен: ну к соревнованиям готовят. Мазь подбирают под погоду, проверяют как бегут и все такое прочее. Сервис-бригада называется. А у нас на каждого по две-три пары и накатывает их один человек всей сборной. Редко когда два.

Второй спортсмен: не говоря уже о том, что Бьйорндален на себе лыжи свои не таскает везде, и не следит, чтобы их кто-нибудь не спер. Вот и результат, как говорится.

Марк: да трудно себе представить, как бы Бьйорндален нес 70 пар лыж в самолет. А у нас бы пришлось!

Спортсмены и Марк дружно начинают смеяться.

Третий столик – сочинцы. Одно место пустует.

Первый сочинец: не нравится мне все это, мужики. Да и Витек куда-то запропал.

Второй сочинец: Так совещание опять. Кормчий как на прошлой неделе что называется «задал вектор», так они и сидят, геморрой полируют.

Третий сочинец: ну да, скандал то знатный был. Как там кормчий сказал: переделать все проекты дворцов на разборные?

Первый сочинец: ага, а проекты эти уже экспертизу прошли. Потом переделаешь, тебя же еще за завышение затрат поимеют.

Второй сочинец: Так все равно поимеют. У нас как в гареме: знаешь что обязательно трахнут, только не знаешь кто, когда и за что.

Третий сочинец (*недовольно*): тебе бы все остричь.

Входит Виктор Владимирович. Садится на пустой стул

Виктор Владимирович: здорово, мужики! Шашлык то мне взяли? Не остыл еще?

Первый сочинец: да Вить вот, ешь. Как дела то?

Виктор Владимирович: да как сажа бела. Надоели сил нет. Лучше б уже уволили, а они нервы мотают.

Второй сочинец: как говорится, лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Третий сочинец (*раздраженно*): Сань, да хватит тебе! Надоело. Что делать то будем?

Первый сочинец: а нечего нам делать. В мэрию назад хода нет: там уже анапские заправляют, народ уже из администрации вычищают. Обложили нас.

Второй сочинец (*с жаром*): мужики, а давайте как отцы и деды наши! Как батька Нестор Иваныч – пулеметы откопает, по тачанкам и вперед. Как говорится: белых пока не покраснеют, красных пока не побелеют. Тут вон сколько начальства – возьмем кого-нибудь в заложники ...

Виктор Владимирович: ты совсем охренел?

Второй сочинец: а что?!

В эту самую минуту из-за кулис появляется Генерал ФСБ и как бы случайно проходит мимо столика сочинцев.

Генерал ФСБ (*со значением*): приятного аппетита!

Виктор Владимирович: спасибо, и вам того же. (*кивает Второму сочинцу в сторону уходящего генерала, потом крутит пальцем у виска*). Не хочу вас расстраивать, мужики, но ситуация впрямь тоскливая.

Внезапно на сцене валит дым и из дыма появляется Таймураз Казбекович, третий маркиз Олимпстройский. Его сопровождают заслуженные пивовары. Звучит торжественная музыка с явно восточными мотивами. За столиками все замирают от удивления

Первый пивовар: уважаемые господа! Мой властелин, Таймураз Казбекович, почетный Гаруна-аль Рашид первой степени, а с сегодняшнего дня Третий Маркиз Олимпстройский приветствует вас и желает вам здравствовать.

Немая сцена: все растеряны, и только Таймураз Казбекович улыбается, довольный произведенным эффектом.

Эпизод двенадцатый: третий маркиз берет быка за рога.

Огромные массивные двери в Олимпстройский маркизат. Возле дверей стоят два огромных швейцара свирепого вида, которые не пускают никого внутрь. Периодически двери открываются и под энергичную кавказскую музыку¹⁰ из дверей последовательно вылетают герои повествования. Их сопровождают заслуженные пивовары, одетые в характерные фартуки.

Все действие происходит в режиме пантомимы, при этом пояснения дают Леня и Марк, стоящие по бокам сцены.

Сцена первая – из маркизата изгоняют сочинцев и ветеранов трубопроводного транспорта. Под руки с относительными почестями и цветами выводят Виктора Владимировича, немного погодя из дверей уже безо всяких почестей вылетают сочинцы и чудом уцелевшие ветераны трубопроводного транспорта.

Леня (*комментирует сцену*): Третий маркиз принялся решительно оптимизировать доставшееся ему наследство. Не успели с почестями проводить с должности Второго маркиза как из маркизате началась тотальная чистка: пострадали не только собственно сочинцы, но и ветераны трубопроводного транспорта, осевшие в маркизате со времен его учреждения. Казалось, о них уже и думать забыли, но нет.

Сцена вторая – Из дверей выходит раздраженный Александр Николаевич. За ним с пачкой бумаг семенит Василий Георгиевич и лица, пользующиеся его особым расположением. Александр Николаевич явно раздражен. Он проходит по сцене несколько шагов, а затем неожиданно поворачивается и дает пощечину ничего не подозревавшему Василию Георгиевичу. От неожиданности Василий Георгиевич роняет бумаги, они разлетаются по всей сцене, поднимается невообразимая суеда – все начинают подбирать бумаги. Александр Николаевич в это время уходит со сцены. В финале сцены Василий Георгиевич и лица, пользующиеся его особым расположением, собрав бумаги, замирают в позах, выражающих крайнюю степень недоумения.

Марк (*комментирует сцену*): Не удержался на своем посту и Василий Георгиевич. Но тут получилось вообще глупо. В отношении Александра Николаевича, все ожидали от Третьего маркиза каких-то шагов по нормализации отношений. Но получилось иначе: маркиз применил против Александра Николаевича его же оружие – пытку ожиданием. Александр Николаевич часто назначая встречу даже очень влиятельным небожителям и иностранным инвесторам задерживался на несколько часов. Третий Маркиз назначил встречу и вообще на неё не явился. После трех с половиной часов ожидания Александр Николаевич был, разумеется, в бешенстве и под горячую руку ему попался Василий Георгиевич, который в этой ситуации не провинился ни с какой стороны. Тем не менее, отставка его, с поста руководителя департамента Реализации Полномочий, не заставила себя долго ждать.

Леня (*комментирует сцену*): Марк, ты как всегда, не сказал про самое интересное. После данного случая Александр Николаевич сделал выводы, и стал опаздывать на встречи от шести до восьми часов, а чаще всего и вовсе на них не являться, если речь, конечно, не шла о совещаниях у Кормчего.

Сцена третья – Из дверей в одиночестве выходит генерал ФСБ и с достоинством удаляется.

¹⁰ Желательно осетинскую, например - <http://region15.ru/docs/music/file/1678/>

Марк (*комментирует сцену*): Убрали из маркизата и вездесущего генерала. Не факт что при этом на его место не прислали троих новых, но по понятным причинам для нас событие было не рядовое.

Затем двери открываются и зрителю видно огромный переговорный стол, во главе стола стоит Таймураз Казбекович, произносит речь. Рядом с ним сидят Рыцари Карающего меча им. Жака Рооге. Они благосклонно слушают Третьего маркиза. Внезапно пивовары вводят Джеймса Взбдонда, связанного и с кляпом во рту, но веревки выполнены в виде подарочных лент с бантами, а кляп – в виде соски. Все выглядит так, как будто Рыцарям преподносится ценный подарок. Рыцари растеряны, но вынуждены принять Джеймса Взбдонда

Леня (*комментирует сцену*): Та же участь постигла и нашего знакомого, суперагента Джеймса Взбдонда. Правда, сделано это было крайне необычно. В один из приездов комиссии МОК их встретил лично сам Таймураз Казбекович. Включив все свое природное обаяние он совершенно очаровал проверяющих. А под конец визита преподнес им настоящий сюрприз, упакованный в розовую ленту. Говорят, что после составления и успешной презентации Генерального Графика суперагент решил расширить свое присутствие в Олимпийской программе, но у маркизата были иные планы. Неизвестно чем были больше потрясены Рыцари карающего меча им. Жака Рооге: прозорливостью маркиза или его наглостью. Но подарок они приняли, и скандал раздувать не стали.

Марк (*комментирует сцену*): Как нетрудно догадаться, нейтрализация Джеймса в довольно быстро ударила и по нам.

Режим пантомимы заканчивается, Леня и Марк уходят со сцены. Сцена продолжается: тот же переговорный зал, но Рыцари Карающего меча им. Жака Рооге уже ушли и увели Джеймса Взбдонда. Остаются только Таймураз Казбекович и опытные пивовары.

Таймураз Казбекович (*говорит негромко с мягким кавказским акцентом*): ну что, как всё прошло? По моему неплохо!

Опытные пивовары (*наперебой, подобострастно*): великолепно прошло! Бесподобно! Божественно!

Таймураз Казбекович (*улыбается*): хорошо. Мы все поработали хорошо. Но придется еще лучше. Давайте по свежим следам, как говорится, пройдемся. Какие у нас текущие вопросы остались? Все ли по зачистке?

Первый опытный пивовар: по зачистке практически все. Замы директора департаментов все уволены, остались еще кое-какие начальники управлений, но это на следующей неделе закончим.

Таймураз Казбекович: хорошо. Дальше!

Второй опытный пивовар: на очереди подрядчики. Тут их так много.

Таймураз Казбекович: а что делают? Чем живут?

Второй опытный пивовар (*слегка удивленно*): ну как чем?! Контракты у них с маркизатом. Проектируют, строят, сервисные услуги всякие.

Таймураз Казбекович: и им платят?

Второй опытный пивовар: не так чтобы регулярно, но вообще-то платят.

Таймураз Казбекович: а как защищены наши интересы?

Второй опытный пивовар: вот здесь есть сложность. поголовно все клянутся, что и Первому маркизу платили и Второму тоже. Но в суммах какой то разноразной царит. Некоторые даже договора на специализированные компании показывают. Ну и половина, конечно, утверждает, что денег больше нет.

Таймураз Казбекович: странно, что только половина. Вот что мы сделаем. Во-первых, всем подрядчикам для усиления придать компанию, которая будет защищать наши интересы. Что важно: компания должна быть одна, с работающим офисом и с живым директором, никакой партизанщины и чернушек.

Второй опытный пивовар (*помечает в блокноте*): это понятно. Размер наших интересов как обозначить?

Таймураз Казбекович: ну думаю, процентов двадцать, меньше унизительно.

Третий опытный пивовар: в столицах я слышал сорок-сорок пять. А дети Минтранса говорили, что все пятьдесят. А у Герман Оскаровича, говорят в экономическом развитии аж до семидесяти бывало.

Таймураз Казбекович: ну, ты не всему верь, что говорят. Хотя я сам видел, как Минфин восемьдесят брал. Правда, было это в «лихие девяностые». А потом – не забывайте, нам же еще построить что-то нужно. И мы не в столицах. И положение сложное – мы тут на пересечении интересов очень влиятельных людей оказались. Сами мы, конечно, тоже не сироты, но ... одним словом, надо быть скромнее время от времени.

Второй опытный пивовар: тут, кстати сказать, вчера один шустрый выискался. Говорит, не буду платить, я друг детства Кормчего, вот ему пожалуюсь, наплачетесь слезами кровавыми

Таймураз Казбекович (*оживляясь*): а вот это всегда пожалуйста. Жалуйся! А мы в суд на подадим. Всегда же если нечего делать и вечером некуда пойти, можно пойти в суд (*смеется*). Пусть Кормчий ему и покроет потом судебные издержки. (*раздраженно*) Развелось жуликов! Их послушать так все в одном дачном кооперативе с Кормчим, то в одной секции дзю-до, то в одной школе учились – если бы это было правдой он бы на второй год должен был бы в каждом классе по два раза оставаться!

Возникает неловкая пауза. Пивовары в ужасе смотрят на Таймураза Казбековича.

Таймураз Казбекович: да ладно, что вы одеревенели, я же фигурально выразился.

Первый опытный пивовар (*после некоторой заминки*): кстати, я узнал интересный факт. Тут в Сочи, когда анапские власть взяли и махновцев турнули, они вообще на всех подрядчиков подали в суд. На всякий случай. То есть не важно, кто действительно виноват в срыве контракта: ты сам, или подрядчик, а может и вовсе заказчик – встретимся в суде. Правда, судя по всему, три четверти дел закончатся мировым соглашением, но факт остается фактом: подрядчик как шелковый, отстранить можно кого угодно. Очень полезная практика.

Таймураз Казбекович (*оживляясь*): а вот это правильно! Надо не стесняться брать на вооружение передовой опыт! Подберите там всех шибко борзых, кто платить не хочет и по этому поводу себя за тренеров по дзюдо, сослуживцев и соседей по даче выдает. Кроме того, прибавьте к ним еще два три дела показательных. И в суд!! Чтобы была видна наша принципиальность, нетерпимость к коррупции и неукоснительное соблюдение национальных интересов.

Второй опытный пивовар: сделаем.

Таймураз Казбекович: да, кстати, с остальными, на кого в суд не подали - надо взять ласковый тон. Все письма и кляузы, которые они пишут друг на друга, принимайте, присваивайте входящий, ну и все в таком ключе. Первый то маркиз, как я знаю, письмами просто подтирался, а второй, копил, но не отвечал почти никому. Такого быть не должно! У нас тут эффективный менеджмент, а не самоуправство!

Третий опытный пивовар: так в письмах своих они почти все просят с вами встречу назначить.

Таймураз Казбекович: нет, вот встречаться я не буду. Не царское это дело! Я встречаюсь Кормчим, Рыцарями Карающего Меча, может быть, послами какими иностранных

государств, да и то, если страна приличная. А всю шелупонь, включая губернаторов, возьмите на себя. Если будут настаивать – скажите, мол, уехал Третий Маркиз Олимпстройский к себе на родину принимать важное решение. Потому что только там можно обрести надлежащую душевную мудрость и ясность мысли.

Таймураз Казбекович многозначительно замолкает. Все пивовары, проникаясь важностью сказанного, также с пониманием молчат. Негромко звучит мелодия «Сулико», сцена завершается.

Эпизод тринадцатый: действия согласно утвержденному плану.

Некоторое время спустя. Приемная в маркизате. Опытные пивовары сидят за столом, к ним поочередно заходят и уходят просители.

Первый подрядчик (*входит, бухается в ноги*): батюшка, не погуби. Отец родной! На тебя вся надежда, на маркиза на нового. Все построили, аванс не плачен, люди бунтуют, дети семеро по лавкам (*плачет*)

Второй опытный пивовар (*подбегает к подрядчику*): ну что вы дорогой. Не убивайтесь так! Мы понимаем все, похлопочем за вас перед маркизом.

Первый подрядчик: хотя бы миллиард! Но до конца месяца. О большем я уже и не прошу.

Второй опытный пивовар (*со значением*): маркиз – человек редкой справедливости и душевной чуткости. Замолвим словечко, а там уж как бог даст. Отнеситесь с пониманием к любому решению. И вообще – зайдите на следующей недельке. А прошение давайте сюда, передадим в лучшем виде.

Первый подрядчик отдает бумаги и уходит сопровождаемый Вторым опытным пивоваром.

Первый опытный пивовар (*саркастически*): цирк одного актера! Жулик ведь, пробы ставить негде. Ничего он не построил, промотал аванс и вот теперь еще денег просит.

Третий опытный пивовар (*флегматично*): строители все одинаковы. Ему, небось, должны миллионов сто-двести, а он все туда же – дайте миллиард.

Входит второй подрядчик.

Второй подрядчик (*агрессивно с напором*): я требую, чтобы меня выслушали! Я проектирую спортивный объект. Заключил контракт еще до учреждения маркизата. Первый маркиз, срезал у меня пятую часть сметы и поставил надо мной генподрядчика. Второй маркиз срезал еще четверть и поставил второго генподрядчика. Теперь у меня нет денег и проект надо сдавать, а эти два идиота не могут решить, кому из них отчитываться. Я прошу разобраться! Под угрозой выполнение Генерального Графика Олимпийской Программы!

Третий опытный пивовар: будьте уверены, маркиз разберется. Он сейчас уехал в горы (*пивовары со значением переглядываются*) вернется – обязательно решит.

Второй подрядчик (*со значением*): я буду очень ждать его возвращения!

Третий опытный пивовар (*заговорщически*): мы вас очень понимаем и приложим все усилия. Не извольте сомневаться.

Второй подрядчик уходит

Первый опытный пивовар: интересно как им вообще удалось поставить сразу двух генподрядчиков? Я думал такого в природе невозможно. Чего только не встретишь в городе Сочи вообще, и в маркизате в частности!

Третий опытный пивовар: ему бы для комплекта еще третьего бы. Как говорится, бог троицу любит (*смеется*). Но это пусть маркиз решает.

Входит депутат Государственной Думы. За ним робко семенит эколог, с перевязанной головой и рукой.

Депутат: здравствуйте

Первый опытный пивовар: здравствуйте господин депутат.

Депутат: товарищ депутат! Я из компартии. Фракция КПРФ.

Первый опытный пивовар (*со значением*): я в душе я тоже коммунист. Вернее остался им. С тех самых пор.

Третий опытный пивовар как бы в подтверждение его слов кивает

Депутат (*некоторое время смотрит на пивоваров с подозрением. Затем продолжает*): прекрасно! Значит, мы быстро найдем общий язык. Дело в том, что я пришел выразить свою обеспокоенность относительно тритонов.

Первый опытный пивовар: тритонов?

Депутат: именно! Как вы знаете, на Имеритинской низменности еще 3 года назад водились тритоны. Но теперь, когда там развернуто строительство олимпийских объектов их жизнь под угрозой. Вернее сказать, они там вообще поумирали почти все. Мой коллега, эколог (*не глядя, протягивает руку назад, ловит эколога за шиворот и перемещает его вперед себя*) вчера пытался организовать одиночный пикет и получил тяжелые травмы.

Эколог (*неразборчиво*): пикет дагиник бульдозер косту тоджик¹¹

Третий опытный пивовар: что он говорит? Он у вас таджик что-ли?

Депутат: да какой таджик! Таджик бульдозером управлял, вот на него и наехал. Травмы средней степени тяжести. А так вообще он турок, но, между прочим, член Гринпис!

Эколог (*энергично кивает*): гринпис нефрет! Негодуэ! Протест!

Депутат (*решиительно*): я требую принять меры!

Первый опытный пивовар: безусловно, мы сделаем все что возможно, но хотел сказать вам как коммунист коммунисту ...

Депутат опять с подозрением смотрит на пивоваров. Но те делают такие честные глаза, что не поверить им просто невозможно. В этот момент на сцену вылетает толпа подрядчиков. Двое подрядчиков дерутся, их разнимает Второй заслуженный пивовар. Толпа сметает Депутата, эколога и пивоваров – они оказываются втянуты в общую кучу малу. Наконец усилиями пивоваров вся толпа вытесняется со сцены. На сцене остаются Первый пивовар и Депутат.

Депутат (*поправляя оторванный рукав*): у вас тут я смотрю как в Госдуме. Будто и с работы не уходил.

Первый опытный пивовар (*тяжело дышит*): это автодорожники с ними всегда так.

Дорожная мафия, знаете ли. Не поделили чего-то опять.

Депутат (*отдышавшись*): я надеюсь ...

Первый опытный пивовар (*перебивает*): меры примем! Не знаю еще как, но обязательно примем. Слово коммуниста!

Депутат: вот теперь верю!

Тепло пожимают друг другу руки. Депутат уходит. На сцену возвращаются Второй и Третий пивовары. Их костюмы помяты, лицо расцарапано, прически нарушены.

Третий опытный пивовар: ну и денек сегодня.

Первый опытный пивовар: вы конечно эффектно появились – я уж и не знал чего депутату этому говорить то. Что там приключилось на этот раз?

Второй опытный пивовар: да казус очередной. Баба Галя эта, ну помните, из кубанского департамента, с Василь Георгиевичем работала – мы их зачищали на прошлой неделе. Так вот она в свое время такое задание по дороге сделала, что забыла перекресток. Ну и как

¹¹ Смесь русского и турецкого языков.

водится три подрядчика по трем улицам, плюс один по светофорам. Подготовили проекты, а перекрестка нет. Экспертиза говорит – не пропущу – вы на одной и той же географической точке три дороги разные нарисовали. Одна на другой наезжает по координатам. Но не перекресток, а просто полоса. Ну и капец - в крик, все на нервах, до драки дошло.

Третий опытный пивовар: эколог еще этот с тритонами. Чем дальше в лес, тем больше я понимаю, что рейдерский захват пивзаводов – был куда как понятнее.

Первый опытный пивовар: ну потому что технологичнее. Там все ясно: берешь братков, врываешься, ключи от сейфа отнимаешь, всем в глаза смотреть, стоять бояться. Система! Каждый знает свой маневр. А тут ... черти что. И юристы эти еще ... кстати мужики! Нам ведь Казбекович сказал в суд подать. А я забыл совсем. Вы список сделали?

Второй опытный пивовар (*роется в бумагах на столе*): да, где то он тут был ... а вот! (*передает Первому пивовару листок*)

Первый опытный пивовар: так ... это кубанские, понятно, это наша любимая «пилорама», это сочинцы ... Минтранс ... а это что за доходяги? Информационная Система? Кто это вообще такие?

Третий опытный пивовар: а это те, через кого англичанишка шпиён график свой делал. Никто толком не знает, откуда они взялись. Но ошиваются уже который год. Правда акты ему вроде как подписали, теперь оплаты требует.

Первый опытный пивовар: ну мало ли что кому подписали. Подаём в суд на всех. Нормально! Вы листок не потеряйте только.

Второй опытный пивовар (*смотрит на принесенные подрядчиками бумаги*): кстати, что с челобитными делать будем? Их что-то накопилось уже выше крыши. А еще неделя не прошла. Может в помойку?

Первый опытный пивовар: с ума сошел! Тебе Казбекыч чего сказал? Входящий присвоить и хранить. Вот и храни! Сложим в чуланчик пока, а там видно будет. Вообще, мужики, пошли по домам. Утро вечера мудренее.

Эпизод четырнадцатый: большая размолвка.

Офис Лени и Марка. На одной половине сцены за столом сидят Леня и Марк и в режиме пантомимы выясняют отношения. На другой половине сцены выходит Татьяна, садится за другой стол и начинает монолог.

Татьяна: тот день выдался беспокойным. С утра мы узнали, что на нас завели уголовное дело, а в обед Леня и Марк жутко переругались. Они заперлись в переговорной и часа два орала друг на друга. Вернее орал в основном более экспрессивный Леня, а Марк в ответ сердито что-то бубнил.

Из двери вылетает Леня.

Леня: после всего, что я от тебя тут услышал, между нами не может быть ничего общего. Тоже мне! А я ещё считал его своим другом!

Уходит. Из комнаты выходит Марк.

Татьяна: Марк Григорьевич, что у вас сегодня за африканские страсти? Я даже вздремнуть как следует на работе не могу!

Марк: средиземноморские, Татьяна Викторовна, средиземноморские. Устал я от Лени неимоверно. У нас чай есть?

Татьяна: разумеется, мой повелитель! Прикажете подать?

Марк (*нарочито окая*): повелеваю! (*Татьяна уходит в угол комнаты ставить чайник*). Кстати сказать, Тань, скорее всего, теперь твой безраздельный повелитель будет Леня. Мы же с ним разводимся, ему остается фирма и он будет продолжать свои упражнения с рекламой и автобусами.

Татьяна (*подражая интонации Лени*): ну вот, оказывается, ты меня продал ... как продажную девку! Как вещь! Как ты мог!?

Марк: Тань, это ни фига не смешно.

Татьяна (*возвращаясь и давая Марку чай*): Прости. Так чего у вас случилось?

Марк: Ну, собственно, к этому всё и шло. Знаешь, в учебниках по психологии управления пишут, что есть такой тип менеджера – он прекрасно проходит первые шаги в любом начинании, но потом сам же все портит. Так и Леня – он поначалу обаял всех, ворвался на лихом коне и контракт получил, но в итоге сам же напорточил так, что теперь прячется от всех. И, разумеется, у него все вокруг виноваты. А я в первых рядах. Мне это, честно говоря, давно надоело и вот сегодня нарыв прорвало.

Татьяна: а почему Леня кричал про предательство интересов еврейского народа? Я не подслушивала, просто громко очень говорили.

Марк: Это нормально. Леня больной на национальную тему. У меня, видишь ли, бабушка русская, а дед еврей. А должно быть наоборот. Поэтому когда у Лени хорошее настроение он делает вид, что не помнит об этом факте и говорит всем, что я «из наших». А когда плохое – он резко про это вспоминает, и начинает гундосить про «гоев». А сегодня, кроме того, в полемическом задоре обвинил меня во всех бедах еврейского народа грехах, включая изгнание из Египта и преступную сдачу Биробиджана.

Татьяна (*смеется*): ой не могу! Кому вы сдали Биробиджан, бесчестный человек?!

Марк (*тоже смеется*): жидо-большевиком, надо полагать. У Лени спроси, он лучше знает. Я, честно говоря, вообще понятия не имею, что Леня имел в виду.

Татьяна: сказочно!

Марк: Я думаю это оттого, что Леня все-таки советский человек, которого в школе пытались воспитывать в духе пролетарского интернационализма и бытового

антисемитизма. А национализм, поселившийся в бывших советских людях, часто принимает крайне причудливые формы.

Татьяна (*пристально глядя на Марка с металлом в голосе*): А еврей то получается вы, Марк Григорьевич, фальшивый.

Марк: ты ещё не все знаешь – у меня и дядька бакинский армянин. Ты вряд ли помнишь, но до 1988 года было такое понятие, пока погромы не начались и война за Карабах. А насчет настоящего еврея – будьте покойны, Татьяна Викторовна, скоро вернется Леня со своими новыми партнерами и мало никому не покажется. Он вроде как собрался скооперироваться с какой-то израильской компанией и предпринять еще одну попытку поучаствовать в Олимпийском движении. Если конечно его не засудят до этого момента.

Татьяна: А ты что теперь будешь делать?

Марк: честно говоря, еще не знаю. Я вообще-то рассчитывал денег срубить и потом заняться кинопроизводством.

Татьяна: кинопроизводством?

Марк: Ну да. Помнишь, я тебе показывал сценарий про Анну Каренину? Новое прочтение.

Татьяна: помню.

Марк: Хотелось мне фильм снять. Денег конечно бы не хватило, но как-нибудь со-продюссером. Нашел бы партнеров. Но теперь уж об этом и думать не стоит, к сожалению. Устроюсь на работу куда-нибудь по финансовой части. Может, возьмут по старой памяти. А там посмотрим, что и как. (*допивает чай, встает*) Ладно, Тань, спасибо за чай, пойду я потихоньку.

Татьяна: ты еще-то придешь?

Марк: О, еще не единожды. Мы пока имущество делить будем, пока дела завершать общие. Увидимся! И вообще, звони если что – я тебе всегда рад. Пока!

Уходит.

Татьяна: (*смотрит ему вслед*): господи и он туда же! Думала, хоть один нормальный человек есть в этой конторе. (*с сарказмом*) Со-продюссер! Видимо это особенность города Сочи – все кто хоть как то причастен к подготовке Олимпиады, неизбежно трогаются умом. Наверное и жена от него поэтому ушла - с умалишенным то жить тяжело, как ни крути. (*пауза*) А вообще он симпатичный. Только грустный всегда. (*роется в ящике стола и достает оттуда папку*) Забыл взять свою Анну Каренину. (*снова с сарказмом*) Кино производитель! Господи, какая ересь. (*читает*):

Володя Ульянов, ... из рогатки, почти в упор, свинцовым шариком в висок убивает Вронского.

В этот момент к дому на извозчике подъезжает Анна Каренина. Она понимает, что опоздала, что месть осуществить не удастся. Вечером в гостинице она узнает имя гимназиста, убившего Вронского, и то, что в городе созрел своеобразный заговор молчания. Из сострадания к матери Ульянова, уже потерявшей сына, и оттого, что Вронского все равно никто не любил, в свидетельство о смерти Вронского вписан апоплексический удар. Анна, не имеющая средств к существованию, в гостинице знакомится с купцом и на пароходе уплывает с ним. Маслова в отчаянии, она должна вот-вот родить, но к Раскольникову возвращаться не хочет. Дождавшись родов, она подбрасывает родившуюся дочку в бедную еврейскую семью, а сама кончает жизнь самоубийством. Еврейская семья Каплан, приняла подкидыша, назвав девочку Фанни. Девочка знает, кто виноват в

том, что ей приходится воспитываться в еврейской семье. Фанни решает отомстить.

Анна Каренина в это самое время намеренно бросается в разгул, жизнь превращается в череду пьяных компаний и в переход от одного купца к другому.

Эпизод пятнадцатый: генерал постигает суть вещей.

Осень 2009 года. Зал приемов Кормчего, такой же, как в шестом эпизоде. Но в этот раз никто ниоткуда не спускается и шоу не устраивает. Сцена поделена пополам. В одной половине Кормчий и Генерал ФСБ сидят за столом и разговаривают. Во второй половине сцены за условной дверью их разговор подслушивают Дмитрий Николаевич, Александр Николаевич и Виталий Леонтьевич. В процессе разговора они пантомимой изображают свое отношение к словам Кормчего.

Кормчий: генерал, доложите обстановку. Как развивается ситуация?

Генерал ФСБ: разрешите мне сказать прямо, по-солдатски. Ситуация развивается многопланово и неоднозначно...

Кормчий (*перебивает*): Василич, это, по-твоему, по-солдатски? Давай коротко и по существу.

Генерал ФСБ: ну а если по существу, то все просто. Еще безвозвратно ничего не просрали, но тенденция нехорошая.

Кормчий: не смогут построить?

Генерал ФСБ: построить смогут, но все будет как обычно через задницу. Конечно не так как у Царя Айфона во Владивостоке, но все равно я ожидаю неприятные эксцессы.

Кормчий: конкретизируй.

Генерал ФСБ: конкретизирую. Документацию по всем объектам более или менее сделали. Но с содержанием и его воплощением возникают глупости. Пример: энергоснабжение. Мы по программе сейчас начал строить Адлерскую ТЭЦ. Газовую. Разумеется, строят её наши газовые друзья. Но фокус в том, что ТЭЦ там объективно не нужна. Тем более по такой цене, по какой её газовые друзья собираются построить. Я говорил с энергетиками: они заверили, что могли бы из Туапсе кабель морем кинуть, и электричества там хватило бы всем и вышло бы в два раза дороже.

Кормчий: энергетика такое ворье – они еще на два умножат, наверное, все.

Генерал ФСБ: так уже умножили. По-честному, там в четыре раза дешевле выходит.

Кормчий (*взволнованно*): ну это уже слишком! Всему предел должен быть!

Генерал ФСБ: когда стал выяснять ситуацию, все ссылаются на вас. Мол, прямой приказ строить ТЭЦ, послушаться не могли.

Кормчий (*встает с кресла. прохаживается*): я такое говорил? погоди, сейчас припомню как дело было. Значит Гватемала, Гватемала ... были там газовики, я с ними еще обсуждал мировую экспансию. Потом прибежал человек-яйцо ...

Генерал ФСБ: какое яйцо?

Кормчий: ну как его ... международно-федеральный наш. Дмитрий Николаевич!

В это время подслушивающие Виталий Леонтьевич и Александр Николаевич начинают беззвучно смеяться на Дмитрием Николаевичем. На Дмитрие Николаевиче лица нет.

Кормчий (*продолжает*): они в последний момент что-то поменяли в заявке и мне показывали. Я заодно спросил его про энергоснабжение. Сказал ... сказал дословно так: «решите проблему: постройте ТЭЦ или еще что там необходимо». Скорее всего, газовики этого не слышали, а человек-яйцо услышал первую часть фразы и сказал им только про ТЭЦ. Восприняли как приказ. В общем, здравствуй жопа новый год – полмиллиарда долларов как не бывало.

Издаательства над Дмитрием Николаевичем достигают апогея. Ему становится плохо с сердцем. Из-за кулис проворно выбегает медсестра в вызывающем эротическом халате и дает Дмитрию Николаевичу таблетку.

Кормчий (*снова садится*): ну по правде сказать, уже и не воротишь – мы согласовали газовикам рост тарифа, куда, наверное, все эти забавы и попали. Как всегда все вынесет на себе российский народ. И не такое выносил (*неприятно смеется, потом неожиданно принимает серьезный вид*) Докладывай дальше.

Генерал ФСБ: самое тяжелое – это бардак в управлении.

Кормчий: это я уже слышал. Конкретно в чем выражается?

Генерал ФСБ: ну если в порядке убывания масштабов бедствия. Транспорт и логистика. Как снабжать материалами более или менее разобрались, хотя и тут не без накладок. Например, Имеретинский портапункт. Алюминиевый магнат, которому поручили инвестировать в данный объект, проявил немалую изобретательность. Сначала вместо грузового портопункта он построил причал под яхты, потом его вроде бы перестроил, но тут нестати приключился шторм, и все построенное просто смыло.

Кормчий (*саркастично*): ловко получилось. Кстати, я заметил, что магнат, о котором мы говорим, вообще обладает удивительным талантом влипнуть в подобные приключения.

Генерал ФСБ: Так или иначе, в маркизате в итоге придумали, как без этого порта обойтись. Но теперь основная проблема в другом: не вполне понятно как гости Олимпиады туда попадут, где буду жить и как будут перемещаться.

Кормчий: а гостиницы? Я помню, в заявочной книге была куча гостиниц.

Генерал ФСБ: гостей ожидается все же больше. Кроме того, гостиницы должны строить инвесторы. А они пока не могут договориться по условиям с орлами из маркизата и кубанцами Александра Николаевича. Да и по размещению гостиниц есть вопросы. Некоторые в генплане поставили так, что окупить после игр их будет совершенно невозможно. Ну и, конечно, приехать-уехать. Транспортная ситуация в Сочи и так тяжелая, но пока нет даже никакого внятного плана как её улучшить. Допустим, что дороги отремонтируют, тоннели построят, но там объективно все равно нужное количество транспорта не проедет.

Кормчий (*пристально смотрит на генерала*): ты уверен?!

Генерал ФСБ: Вполне. Вы же меня не первый год знаете!

Кормчий: ну мало ли, я подумал, что может ты сдавать начал. Месяца три назад было совещание, где я специально собрал всех, кто к транспорту по Сочи имеет отношение и напугал их как следует. Они должны на следующей неделе дать свои соображения. И понести персональную ответственность, в случае если мне что-то не понравится. Мне показалось, на них подействовало.

Генерал ФСБ: еще как подействовало. Мне докладывали, что характерный запах по кабинетам стоял неделю. Но по факту они ничего путного пока не придумали. И вряд ли сподобятся.

Кормчий: почему?

Генерал ФСБ: правду говоря, там не тот контингент, чтобы осмысленные решения выработывать. Отнять, поделить, запретить, поддержать озвученную начальством позицию – это они могут виртуозно. А головой подумать или послушать дельного совета – с этим хуже.

Кормчий: да, наши оценки тут совпадают. Высокая лояльность при низкой сообразительности. Особенно Александр Николаевич этим славится в последнее время.

Теперь Виталий Леонтьевич и Дмитрий Николаевич издеваются над Александром Николаевичем. Они смотрят на него с презрением, нарочито отворачиваются.

Генерал ФСБ: по нему, кстати, сигналы поступали нехорошие. И по части финансовой и по правоохранителям.

Кормчий: я знаю. У меня уже ящик с жалобами на него не запирается. Впрочем, как и на других, с позволения сказать, небожителей. Пока он глупостей делать не начал – ничего страшного.

Александру Николаевичу делается дурно, он бессильно опускается на стул. Снова словно из-под земли вырастает медсестра с реанимационным аппаратом, и быстро приводит его в чувство.

Кормчий (*продолжает*): что касемо транспорта – твои соображения какие?

Генерал ФСБ: перекрывать город надо на период Олимпиады. Иначе ничего там не проедет. А гостей – только по пропускам. Я сразу говорил – можно было и дороги особо не чинить. (*спохватываясь*) нет, конечно, с социальной точки зрения ...

Кормчий (*смеется*): прокололся ты Васильич! Ладно-ладно не бзди. Что еще у тебя? Все гадости мне рассказал?

Генерал ФСБ: ну осталось более мелкое: экология, переселение жителей. С этим вроде бы в рабочем режиме справляются. Обещают больше крупных скандалов не допускать. А ... вот еще что. Снег!

Кормчий: что снег?

Генерал ФСБ: ну его как бы нет.

Кормчий: к Олимпиаде насыплет. В чем проблема?

Генерал ФСБ: а вдруг нет?

Кормчий (*с нажимом*): Василич, я не понял! Ты в скептики подался что ли? Снег будет! Правда пока этим вопросом занимается наш сокол Виталий Леонтьевич, сюрпризы не исключены, поскольку он, правду сказать, больше о бабах думает.

Теперь объектом беззвучных издевательств становится Виталий Леонтьевич. Он растеряно стоит, глядя перед собой. К нему подходит медсестра и пытается понять: нужна ли помощь.

Кормчий (*продолжает*): Правда, без баб у него получается еще хуже.

В это время Виталий Леонтьевич не меняя выражения лица вдруг неожиданно пытается ухватить медсестру за зад. Но медсестра уворачивается и Виталий Леонтьевич комично падает на пол. Александр Николаевич и Дмитрий Николаевич покатываются со смеху. Виталий Леонтьевич встает и понуро возвращается подслушивать. Медсестра отходит вглубь сцены

Кормчий (*продолжает с особой официальной интонацией*): но как бы не складывалась ситуация, какие бы трудности не возникали на нашем пути, мы обязаны их преодолеть. (*громко с нажимом*) и мы их преодолеем!

После этих слов медсестра дергает за какую то ручку в глубине сцены, под подслушивающими исчезает пол и они с шумом проваливаются вниз. Медсестра сексуальной походкой дефилирует по сцене, открывает дверь в комнату, где сидят кормчий и генерал, и показывает кормчему жест «все в порядке» (о-кей). Кормчий в ответ поднимает большой палец.

Кормчий (*медсестре*): Леночка спасибо!

Медсестра еще более сексуальной походкой уходит за кулисы. Генерал недоумевает.

Кормчий (*глядя на генерала*): Василич, ты в порядке?

Генерал ФСБ: по сравнению с ними – наверное да.

Кормчий (*смеется*): Здорово придумано, верно?! Видишь ли, я недавно обнаружил, что они постоянно норовят подслушать мои разговоры. Жучки ставили, службе взятки предлагали. При этом всему, что подслушают, верят безоглядно. Поэтому я и организовал небольшую инсценировку. Извини, что тебя не предупредил. Весь эффект бы пропал.

Генерал ФСБ: понятно. А как они теперь-то будут свои обязанности исполнять. После падения? Я хочу сказать – не повредит ли им?

Кормчий: Там невысоко и маты постелены (*замолкает*) во всяком случае, должны были их положить. Да бог с ним. Если честно я не собирался так быстро раскрывать свою затею, но ты задал очень важный вопрос.

Генерал ФСБ: про снег?

Кормчий: Да. Хотя дело тут вообще не в снеге. Давай я тебе все подробно объясню. Правда начать придется издалека. Скажи, ты хорошо знаешь историю императорского дома Романовых?

Генерал ФСБ: ну в общих чертах. В школе проходил.

Кормчий: Этого достаточно. Ответь мне на простой вопрос: сколько после Петра Первого российских самодержцев умерло своей смертью?

Генерал ФСБ: да, пожалуй все, кроме троих. Нет четверых. Убили Петра Третьего, Павла Первого, Александра Второго и Николая Второго.

Кормчий: а вот и нет! Наоборот – только четверо самодержцев умерли по-настоящему своей смертью: Елизавета Петровна, обе Екатерины и Александр Третий. А забыл я про Анну Иоановну. Ну, хорошо: не четыре, пять. Всего пять: из них четыре бабы, которые самостоятельности никакой не имели и один алкоголик, пустивший все на самотек. Остальные – а их было не четверо, а целых восемь человек померли не в свой срок.

Генерал ФСБ (*усмехается*): у меня, похоже, устаревшие сведения

Кормчий: нет, сведения у тебя как раз верные, просто их надо правильно интерпретировать.

Генерал ФСБ: ну хорошо, с Петрами вторыми-третьими действительно уголовщиной пахнет, Павла убили, но Александр Первый. Скончался.

Кормчий: ага и жена родная в гробу его не узнала.

Генерал ФСБ: вы на старца Федора Кузьмича намекаете? Но это же слухи.

Кормчий (*саркастически*): конечно, как и слухи о том, что Николай Первый застрелился, а не умер от пневмонии. И Есенин сам повесился, и Орджоникидзе сам застрелился.

Генерал ФСБ: ну по Орджоникидзе я лично материалы дела смотрел, когда практику после высшей школы КГБ проходил. Там чистое самоубийство.

Кормчий (*слегка раздражаясь*): Василич, да дело не Орджоникидзе. Так же как и с тем, умер Николай первый от пневмонии или застрелился. Сейчас важно другое: почему так много царей печально закончило свою жизнь? И почему Николай Второй который, заметь, царствовать не хотел и, я думаю, понимал что его ждет, в итоге от престола до последнего не отрекался, и терпеливо ждал своей участи?

Генерал ФСБ: представления не имею.

Кормчий: А я тебе скажу! Потому что любой царь, император, кормчий султан и так далее – заложник своего поста. Ты когда-нибудь видел, как на меня смотрят все эти государственные мужи, маркизы, почетные Гарун-аль-Рашиды, кавалеры с винтом и прочая и прочая.

Генерал ФСБ: подобострастно?

Кормчий: нет, это на тебя они смотрят подобострастно, когда ты им нужен. А на меня они смотрят влюбленными глазами. Разумеется, любовь это что называется по должности, а не ко мне как к человеку. Но она вполне искренняя. И это самое страшное. Знаешь почему?

Генерал ФСБ: почему?

Кормчий: у меня в юности был такой эпизод. У нас на даче жила собака, порода среднеазиатская овчарка или алабай. Сука. Огромная такая, умная, очень нас любила, особенно меня. Но была она очень старая. И видимо, в один прекрасный день, выжила из

ума. Потому что как-то утром я проснулся от того, что она жрёт мою руку. Стоит перед кроватью, челюстями хрум-хрум, а глаза такие добрые и преданные. Потом руку мне чудом спасли, пятнадцать или шестнадцать костей было сломано. И врач сказал, что сохранить руку удалось только потому, что она её не откусывала, а только жевала. В маразме уже пребывая, что взять.

Генерал ФСБ: а что с собакой сделали?

Кормчий: усыпили, конечно. Но я, как ты понимаешь, навсегда запомнил эти глаза. И когда я гляжу на вот этих государственных мужей разной степени тяжести – я узнаю в их глазах вот то самое собачье выражение. Но также четко знаю, что эти рукой не ограничатся. Слопают всего целиком, с потрохами.

Генерал ФСБ: я понял. Вы хотите сказать, что существует заговор?

Кормчий: нет, Василич, ты нихрена не понял. Это не заговор. Они все действительно преданы Кормчему, они любят его настолько насколько им позволено это природой. Но они все в той или иной степени уже в маразме, как та сука алабая. Кто-то сошел с ума от власти, у кого-то на фоне военного прошлого или раннего климакса разум помутился, а кто-то от рождения такой. И, будь уверен, они начнут тебя есть – это только вопрос времени. И спасения нет. Почти нет.

Генерал в шоке смотрит на Кормчего. Кормчий встает с места, ходит по комнате, волнуется.

Кормчий (*продолжает*): Именно поэтому Николай Второй - царь мученик. Он сразу знал, что так будет. С момента коронации. Он не смог ничего изменить: от врагов можно защититься, от любви нельзя. Поэтому он всю жизнь был так печален. И потому не сопротивлялся своей судьбе. Понимаешь меня?! И любой – любой, кто бы ни находился в этом кресле (*показывает рукой на свое кресло*) рано или поздно столкнется с этим.

Генерал ФСБ: неужели никак нельзя избежать? Ведь есть же примеры в истории.

Кормчий (*энергично*): Можно! Вот теперь мы подходим к самому главному. Есть два базовых правила. Первое: кадры. Помнишь поговорку: «подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Но это не ради прихоти, а насущная необходимость. Окружение не должно быть слишком умным. Ибо бестолковый исполнитель раньше выдаст свои намерения – его можно перехватить. Поэтому времена меняются, а идиоты во власти остаются (*нервно смеется*) И будут оставаться, чтобы там не гундели всякие умники, ибо это необходимое условие выживания самой власти. И второе: набранные идиоты не должны сидеть без дела. Знаешь как на флоте: если нечем заняться - пусть красят корабль. Если уже покрасили, пусть перекрашивают. Думаешь, зачем тому же Николаю Второму нужен был Транссиб, а Сталину Беломорканал? Или скажем пирамиды египетские? Да все за тем же – связать усилия наиболее деятельных, и заодно понять: кто на что способен. Чтобы вовремя изолировать. Поэтому каждому крупному руководителю нужно за время своего правления сформировать хотя бы одно крайне ответственное поручение, супер проект. В нашем случае это Олимпиада. Но я, если говорить об Олимпиаде, оцениваю результат в основном не по тому, что и как хорошо построено, хотя и это тоже принимаю во внимание. Меня, прежде всего, волнует, кто и как из небожителей наших себя проявил в ходе реализации проекта. Понимаешь?

Генерал ФСБ (*после небольшой паузы*): вроде бы да. Хотя, честно сказать, я немного ошарашен.

Кормчий: Ничего-ничего. Мне просто сегодня надо было выговориться. А ты кадр проверенный, не подведешь. Так вот, возвращаясь к твоему вопросу про снег. Мне неважно будет ли снег. (*распалаясь*) Мне, если честно, похер на снег! Насыплют, привезут, наморозят, если нужно будет. Если я скажу! (*агрессивно*) Вертел я снег этот на... (*хватается за сердце, хрипит*)

Генерал ФСБ (*вскакивает со стула, кричит*): Леночка, срочно. Кормчему плохо.

Из-за кулис выбегает медсестра. Они с генералом усаживают остолбеневшего Кормчего в кресло, медсестра делает укол.

Генерал ФСБ (*медсестре*): Что с ним?

Медсестра: переутомление. Не обращайтесь внимания. Через полчаса очнется, а завтра будет как новенький.

Генерал ФСБ: Легко вам говорить – не обращайтесь внимания!

Медсестра: не переживайте, у нас такое раз в месяц, если не чаще (*смотрит на генерала*). А вы сами что такой потерянный: он вам, поди, рассказывал про мертвых императоров династии Романовых и суку алабая?

Генерал ФСБ (*подозрительно*): А вы нас слышали?

Медсестра: нет необходимости. Я это слышала уже раз пятьдесят, если не сто. Я, знаете ли, давно здесь работаю. А моя бабушка еще Брежнева обслуживала на той же самой должности. Профессиональная династия у нас. Так вот, я вам одно могу сказать: на этом посту больше полугода нормальный человек не проработает. Вернее через полгода, максимум год, у него начинаются причуды разные. Иногда и видения бывают. Мы сами-то привыкли, а посторонние пугаются.

Генерал ФСБ: А как же страна ... как управлять то?

Медсестра: вот этого я точно сказать вам не могу, но, по совести говоря, на моей памяти всегда так было. Да и как бабушка рассказывала. Кроме того, эти приступы краткосрочные, медикаменты у нас хорошие. Так что нет повода для излишней паники. Вы, кстати говоря, лучше идите домой, а то он как очнется и увидит, что приступ при вас случился – будут неприятности потом. Не любит он, когда его в таком состоянии наблюдают. Мне то что, я при исполнении. А у вас карьера может пострадать, случаи неоднократно бывали.

Генерал ФСБ (*потеряно*): спасибо. Я действительно пойду. Слишком много событий сегодня. Всего вам доброго, Леночка!

Медсестра: и вам не хворать, товарищ генерал.

Генерал выходит в дверь и идет в другой конец сцены. Свет постепенно гаснет и освещен только генерал. Он останавливается, поворачивается в зал и произносит монолог.

Генерал ФСБ: Леночка как в воду глядела. На следующий день я видел Кормчего на юбилее добровольного трансатлантического пожарного общества имени Клигора Траута. Он выступал с приветственным словом, был бодр, подтянут и ничего не напоминало о вчерашнем срыве. Он еще несколько раз после этого встречался со мной, но к произошедшему мы больше никогда не возвращались. Леночка кроме того оказалась права в том, что Кормчий не простил мне моего невольного соучастия. Во всяком случае, генерал-полковника мне не присвоили, а вместо этого выпроводили через полгода на пенсию. Я, в общем, не в претензии, но без ложной скромности могу сказать, что работу свою выполнял добросовестно. И на момент отставки был, пожалуй, единственным человеком, который понимал, что на самом деле происходило в городе Сочи в связи с подготовкой к Олимпиаде.

Эпизод шестнадцатый: Ляня, Марк – последний разговор.

Весна 2010 года. Офис Лени. Входит Марк.

Марк: Добрый день! Есть тут кто? Ляня, Таня, вы живы? Похоже, никого нет (*обходит комнату*). Да, здесь мало что изменилось.

Входит Ляня

Ляня: Конечно, а почему ты решил, что с твоим уходом все должно было поменяться? Привет!

Марк: Привет! (*здороваются за руку*) Я тут обнаружил, что не могу найти кое-какие важные бумаги. Подумал, может у тебя они, не забрал.

Ляня: Конечно, посмотри. Я на самом деле в твоём столе ещё не разобрался, как то не до того было. У нас тут столько событий!

Марк: как твой суд?

Ляня: Да, в общем, никак. Видимо через месяц или два пойдем с маркизатом на мировую, потому что предъявить обвинению нам нечего: акты все подписаны, деньги заплачены. Ну а то, что собственно никакой Геоинформационной Системы не сделали – так задание Заказчик менял три раза. Кроме того, так как у почти всех подрядчиков, на кого подали в суд, ровно такая же ситуация. УБЭП особо не лютует. Проверяют не глубоко и без особого пристрастия.

Марк: то есть ты полгода вместо того, чтобы работать, занимался ерундой.

Ляня: Совершенно верно. Знаешь, когда я думаю о том, сколько же народу в этой Сочинской программе заняты переключиванием никому не нужных бумаг, возбуждением заранее абсурдных уголовных дел, присутствием на изначально бессмысленных заседаниях – мне дурно делается.

Марк (*роясь в ящиках стола, и листая бумаги*): в этом деле главное не увлекаться и не обобщать. А то, неровен час, переквалифицируют дело в политическое и из УБЭПа нашему знакомцу генералу передадут. Кстати, как он? Не проявлялся?

Ляня: Слава богу, нет. Я перед новым годом виделся с Василием Георгиевичем. Посидели поговорили. Он теперь выдвинулся в сторону курортов Северного Кавказа. Но ему там тяжело – туда уже набрали джигитов, поэтому там работы никакой вести невозможно.

Марк: а остальных он с собой туда взял?

Ляня: как ни странно нет. Баба Галя усидела у кубанцов в департаменте – видимо, доказала что она природная казачка. Людмила Валентиновна, если помнишь, была заброшена в маркизат. Она сумела расположить к себе людей, и ей даже отдали контракт на проектирование по какому-то объекту. Но потом пошла свистопляска со сменой управленческой команды. Она пережила и это. Ей навязывали генподрядчиков, соисполнителей, но в итоге она смогла сдать объект и защитить его в экспертизе. Я думаю, что в тех условиях это было сродни подвигу. Правда, подвиг в итоге оказался напрасным. Помнишь, некоторое время назад Кормчий вдруг сделал сильный ход и сказал, что все объекты надо перепроектировать, потому что они должны быть разборные и демонтироваться после Олимпиады.

Марк: да, что-то такое было.

Ляня: объект Людмилы Валентиновны попал в их число. Из-за этого она пережила такой стресс, что утратила гипнотические способности и вдобавок у неё самой начала трястись голова. Теперь она рисует что-то для телевидения – я забыл что именно.

Марк: это крайне печально. А что с греком?

Ляня: грек - удивительный человек. У него теперь вдвое больше долгов, чем год назад, но и планы ещё более грандиозные. Он, видишь ли, хочет построить порт с терминалом для перевалки сжиженного газа.

Марк: а сжиженный газ у него есть? Контракт я имею в виду с производителем.

Леня: нет, газа у него как раз нет. Есть только земельный участок – он его три года оформлял, и только когда оформил, задумался о том, где взять газ. Теперь бегает по знакомым, пытается выйти на газовиков решить вопрос.

Марк (*саркастически*): Ловко! Обычно все делают наоборот. Я надеюсь, ты ему денег не дал на эту авантюру?

Леня: что ты! У меня большой проект с израильскими партнерами. Мы на самом деле на пороге большого рывка. Мы предложим Олимпийской программе новые технологии безопасности, которые не имеют аналогов в мире. Это будет бомба.

Марк (*устало*): Леня, дорогой! Сколько я тебя знаю, ты всегда на пороге большого рывка. И каждый раз это на поверку оказываются какие-то глупости. Какие технологии безопасности? Ты же видел генерала, нашего общего друга? Ты думаешь, что он у евреев твоих что-то вообще купит? Только если бесплатно.

Леня (*со значением*): ну мы тоже не сироты! За нами тоже сила. Такие же специальные службы, только более эффективные и современные.

Марк (*саркастически*): Или просто лучше распиаренные. Все они одним миром мазаны. Леня, если там действительно серьезные специальные службы, то им совершенно не нужно прятаться за твоей спиной. Они все друг друга знают и, если они захотят что-то проверить, то ни ты, ни маркизат им даром не нужны.

Леня (*вскипая*): ты неисправим! Да будет тебе известно, мы уже подписали предварительный договор. У нас прекрасные перспективы и твой глупый скепсис просто неуместен. Ты всегда подрезал мне крылья, мои планам и устремлениям.

Марк: Леня, да угомонись. Мы теперь работаем по отдельности, я тебе никак не мешаю. Я сейчас заберу свои бумаги и уйду.

Леня (*не останавливаясь*): нет уж, выслушай! Если бы не твое постоянное нытье и страхи мы бы давно уже стали богатыми людьми. Но теперь я это сделаю без тебя, а ты – ты прозябай в своем нигилизме. И кстати, женщинам это не нравится. Мы с Танечкой обсуждали это недавно.

Марк (*удивленно*): вы с Таней?

Леня (*с чувством превосходства*): да представь! У нас отношения гораздо более близкие, чем ты можешь себе представить.

Марк (*сухо*): понятно. Ладно, я пойду. Вроде бы все нашел что нужно. Желаю здравствовать.

Леня (*с чувством еще большего превосходства*): прощай!

Марк уходит.

Эпизод семнадцатый: печаль, ревность и счастливая развязка.

Марк сидит на скамейке на бульваре. Мрачнее тучи. Сидит, разбирает бумаги.

Марк: слова Лени, честно признать, задели меня за живое. Даже не так – я только после них осознал, зачем действительно приходил. Бумаги, оставленные у Лени в офисе, мне были на самом деле не очень-то и нужны. Чего я действительно хотел – это увидеть Таню, но вместо этого получилась глупая ссора с Леной. И теперь на душе было гадко и противно. Я не очень верил тому, что сказал Леня – нет, он не врал, просто Леня слабо понимал, что такое время. Для него по большому счету не было разницы между прошлым и будущим, и потому фраза «у нас с Таней близкие отношения» на деле могла означать что угодно – начиная от того, что они действительно живут вместе, и заканчивая тем, что Леня решил сойтись с Таней, но когда-нибудь потом, лет через пятнадцать. Я умом все это понимал, но ... одним словом, это была ревность. Что уж там скрывать. Несмотря на прекрасную весеннюю погоду, настроение было отвратительное, и чтобы чем-то себя занять я стал шуршать бумагами, и опять наткнулся на давний сценарий Анны Карениной. Мы с Таней часто читали его вслух и весело смеялись.

(читает)

Однажды осенью 1910 года после пьяного кутежа в затрапезной гостинице Анна находит зачитанные прислугой книги Льва Толстого "Анна Каренина" и "Воскресение". Старая боль вспыхивает в душе Анны, и ей начинает казаться, что во всем виновен Лев Толстой, что именно он виноват в том, что брат выгнал ее из дому. Анна решает убить Толстого и отправляется в Ясную Поляну, посылая по дороге телеграмму с угрозой. Лев Толстой понимает, что это не шутка, все бросает и бежит из Ясной Поляны. По дороге простуживается и умирает. Анна снова опаздывает. Снова загул, попытка утолить воспоминания в вине. Приходит в себя Анна только в 1917 году, когда узнает, что в Петрограде произошла революция, и во главе ее стоит тот самый гимназист из Симбирска, который убил Вронского. Это единственный человек, который сделал для Анны хоть что-то. Анна принимает революцию, уходит из занятого белыми города и присоединяется к отряду красных, которым командует Василий Иванович Чапаев. Она становится матерью этого отряда, обстирывает бойцов и готовит еду. Иногда в бою она ложится к пулемету. За это ее прозвали Анна-пулеметчица. Глядя на нее, комиссар отряда, уже выросшего в дивизию, Фурманов говорит: "Напишу роман, обязательно о ней расскажу, только придется фамилию изменить, а то не поверят. И помоложе сделаю".

Пока Марк читает к нему незаметно подходит Татьяна и садится рядом на лавочку

Татьяна: а, выходит, обманул Фурманов – помоложе так и не сделал!

Марк: ой ... привет! Ты откуда?

Татьяна (*томно, поправляя прическу*): от верблюда! (*переходя на нормальный тон*) на работу шла. Смотрю, ты сидишь. Ты уже был у Лени?

Марк: да, забирал бумаги. Мы опять поругались по старой привычке. А у тебя как дела? (*неестественным деревянным голосом*) как там Леня?

Татьяна: Марк Григорьевич, вы меня, слабую женщину, сейчас пугаете. Ты только что вышел от него и спрашиваешь как он там?

Марк (*поджав губы*): ну мало ли, Леня же всего не расскажет.

Татьяна: вот Леня как раз расскажет что угодно, и в основном чего близко не было. Потому, ответьте мне, дорогой мой, что вам Леня такого сказал?

Марк (*деревянно*): я вам не дорогой!

Татьяна (*всплескивает руками*): какая прелесть! Он ревнует! Я просто слов не могу подобрать. Эта еврейская морда пропала почти на целый год, ни разу за это время не позвонила, а теперь объявилась, сидит на лавочке и наматывает мне последний нерв. И таки что я должна теперь делать?

Марк: Татьяна Викторовна, вы прекрасно освоили интонационные и речевые обороты, но они в данном случае неуместны. Я и не думал ревновать.

Татьяна: ну и катись!

Марк: Ну и качу... (*осекается, замолкает, меняет тон*). Тань прости! Я сам не знаю, как так получилось. Я просто зашел к Лене, мы поругались, как я тебе уже говорил ... а потом он сказал, что у вас отношения гораздо более близкие, чем я могу себе представить. И меня вдруг проняло. Неожиданно. Я просто не мог себя контролировать ... я ... в общем я сам не понимаю что на меня нашло.

Татьяна: Марк Григорьевич, я могу задать вам один вопрос?

Марк: Конечно. Любой!

Татьяна: Сколько тебе лет?

Марк: Тридцать пять ... нет, тридцать четыре! По паспорту!

Татьяна: А, ведешь себя как будто тебе четырнадцать, максимум пятнадцать. Несешь какой-то бред.

Марк: Тань, пускай бред. Но (*собирается с духом*) ... ладно будь что будет. Скажу как есть: я люблю тебя. Вот и все. Но я понял это только сегодня, когда Леня вот это мне сказал. До этого оно дремало где-то, я не осознавал видимо.

Татьяна: не осознавал он ...

Марк: и еще – я жутко тебя ревную к Лене.

Татьяна: и за что мне такое наказание? Хоть бы один нормальный попался!

Марк: Тань, ты о чем.

Татьяна: да все о том, же, Марк Григорьевич. Хочу вам торжественно сообщить, что любовь она не просто зла – она зла беспредельно, абсолютно я бы сказала (*Марк продолжает смотреть на Татьяну ничего не понимая*). Люблю я тебя дурачка, давно уже. Как увидела, так и влюбилась.

Марк бросается к Тане, обнимает её. Целуются.

Марк: а почему же ты раньше не сказала?

Татьяна: а как ты полагаешь – стала бы нормальная женщина в здравом рассудке работать в вашей с Леней конторе? И более того, постоянно слушать твои бредни про Анну Каренину? Я тебе столько намеков делала, да ты не видел ничего. Кроме того я тогда была замужем.

Марк: а теперь?

Татьяна: теперь мужа выгнала. Или он сам от меня ушел. Зависит от интерпретации.

Марк: как так ушел? Куда ушел?

Татьяна: в дверь ушел, куда ему еще уйти. Хотя первый мой муж ушел именно в окно, но это давно было, по молодости.

Марк: голова кругом идет. Нет, ну я от тебя никуда не уйду. И не надейся!

Татьяна: так ты еще и не пришел никуда.

Марк: как это не пришел? Ах, ну да. Татьяна Викторовна, официально хочу пригласить вас замуж! Приходите на свадьбу нарядная, будут танцы.

Татьяна (*смеется*): это нечто! А как же телефонно-конфетная фаза, ухаживания и прочее?
Марк: да ну её! Я совершенно не умею этого всего. Давай сразу замуж – чего тянуть то?
Татьяна: ну я же барышня я не могу так вот сразу (*Марк снова начинает её обнимать*)
Прекратите немедленно, уберите ваши руки (*Марк убирает руки, смеется и смотрит на Татьяну*). Какой же вы глупый, Марк Григорьевич, все буквально воспринимаете, как ребенок (*Марк снова начинает обнимать Татьяну, та делает вид что сопротивляется*)
Все-таки, я чувствую, придется мне выйти за вас замуж и заняться вашим воспитанием.

Снова целуются.

Эпизод восемнадцатый: Кормчий принимает решение.

Январь 2011 года. Зал приемов Кормчего. Кажется, что он пуст, в зале приглушен свет. В зал входит Сергей Анатольевич – будущий четвертый маркиз Олимпстройский. Он неуверенно движется по сцене, натывается на кресло. В этот момент откуда-то сверху звучит голос Кормчего

Кормчий: добрый вечер!

Сергей Анатольевич: добрый вечер! Только я вас не вижу. *(Где то сверху зажигается свет и становится видно лицо (можно даже сказать – лик) Кормчего. Оно находится высоко наверху в левом углу сцены и выглядит как маска – шевелятся только глаза и губы).* Вот теперь значительно лучше *(в сторону)* Б-р-р-р ужас какой.

Кормчий: вы знаете, зачем приглашены?

Сергей Анатольевич: я так понимаю в связи с маркизатом?

Кормчий: да. Это направление сегодня требует пристального внимания и мне нужен надежный помощник.

Сергей Анатольевич: я готов!

Свет сверху начинает моргать, лик Кормчего в левом углу сцены гаснет, но тут же загорается такой же лик в правом углу сцены.

Кормчий: иного ответа я и не ожидал! Когда готовы приступить к работе?!

Сергей Анатольевич: надобно оговорить условия.

Кормчий: условия простые: работать круглые сутки без выходных, не допускать панических настроений, бороться с проявлениями коррупции и халатности. Быть всегда начеку! Родина вас не забудет!

Сергей Анатольевич: хотелось бы прояснить еще один вопрос.

Кормчий: гонорара? Эх, все вы сразу о гонораре. Ну что ж гонорар ...

В этот момент что-то на сцене взрывается, лик Кормчего неожиданно гаснет, слышны хлопки, идет дым. Через секунду на сцене зажигается свет. Становится видно, что прикрепленные сверху лики Кормчего действительно маски: их много шесть или семь штук. Сам Кормчий стоит внизу, недалеко от Сергея Анатольевича и пультом и микрофоном в руке.

Кормчий: черт, сломалось! **(кричит)** Ленка, посмотри что там! *(оборачивается к Сергею Анатольевичу)* И снова здравствуйте! *(пожимают друг другу руки)* Прошу у вас прощения за эту маленькую мистификацию – я по совету Германа Оскаровича приобрел вот эту систему «дарк-фейс» называется. Но как видите, она не очень-то хорошо работает. Впрочем, как все у Герман Оскаровича – на первый взгляд модно и актуально, а на поверку как-то криво и неудобно.

Сергей Анатольевич: золотые слова! Мне доводилось пару лет служить под его началом – точно так и есть.

Кормчий *(со значением)*: да выучка чувствуется. Чуть что, сразу про гонорар вспоминаете.

Сергей Анатольевич: не в гонораре дело. Вернее не только в нем. Я изучил ситуацию – нужно ваше одобрение.

Кормчий: весь внимания.

Сергей Анатольевич: вкратце, проблема в следующем. Сейчас нет должной координации работ. Все вроде бы суетятся, но получается как лебедь рак и щука – каждый тянет в свою сторону. По сути, стройкой – руководите вы, потому что без вас ни один серьезный

вопрос не решается. Что я предлагаю: вы мне делегируете эти полномочия, всю текучку я решаю сам. Чтобы остальные не артачились, и не бегали лишней раз к вам жаловаться, прошу дать указание прокуратуре открыть тридцать уголовных дел. Но фамилии пока не вписывать.

Кормчий: как это?

Сергей Анатольевич: да как обычно. Тридцать дел по три ордера на арест на одно уголовное дело. Итого девяносто ордеров. Если кто будет выступать больше необходимого, при нем вписываю фамилию в ордер. Обычно как рукой снимает все противоречия, у всех, кроме разве что самых ороговевших и забронзовевших, появляется необходимая гибкость и толерантность. (*смеется*). До суда ничего доводить не нужно будет, важно просто, чтобы от вас приказ пришел, и прокурорские раньше времени дело не закрыли. А то с них станется – связи-то поди у всех огого какие.

Кормчий: это нетрудно. И мне кажется логично. Сделаем.

Сергей Анатольевич: теперь следующее. По собственно стройке. Построить все можно. Успеть успеем. Конечно с нарушением законодательства, эксцессами, но успеем. Вопрос в стоимости. Там, как я понимаю, успели построить и чего не надо было строить вообще, и украли уже прилично. Чтобы все успеть надо бюджет увеличить.

Кормчий: насколько?

Сергей Анатольевич: я посчитаю, на днях поточнее скажу, но предварительно примерно вдвое.

Кормчий: я подумаю. Но должен вас предупредить: даже увеличенный бюджет все равно в основе своей пойдет тем же подрядчикам что и нынешний. Я обещал, а тут, как говорится, «честное купеческое» – умри, но сделай. Себе дороже будет нарушать.

Сергей Анатольевич: понимаю. В этом случае там надо будет укрепить менеджмент. Чтобы они хотя бы инженерные решения согласованные принимали. Чтобы у нас перекрестки при проектировании не пропадали, канализация не выходила аккурат на пляж гостиницы, где будет жить господин Рооге и его Рыцари Карающего Меча.

Кормчий: согласен. Это нормально. Подбирайте кадры, укрепим.

Сергей Анатольевич: и теперь о гонораре.

Кормчий: да, было бы интересно.

Сергей Анатольевич (*крайне серьезно*): я хочу, чтобы то самое «честное купеческое», которое вами обещано уважаемым подрядчикам, в полном объеме распространялось и на меня. Чтобы не хуже чем у других. То есть хочу, чтобы мне выделили долю малую, но вместе с тем равную с остальными. Пусть подвинутся, короче говоря. А то перед пацанами неудобно, да и за бусики работать нет возможности.

Кормчий (*неприятно улыбаясь*): не много на себя берете?

Сергей Анатольевич (*улыбаясь лучезарно*): в самый раз, в самый раз. Другого случая все равно не представится. Я впрочем, не смею настаивать – Третий маркиз Вам вполне лоялен.

Кормчий (*в сторону*): без ножа режет! Ладно, я при случае еще это припомню! (*Сергею Анатольевичу*). Хорошо, резервы изыщем. Но у меня будет встречное условие: вы строите несмотря ни на что. Отговорок не может быть никаких. Если не построите вовремя – будете достраивать как при социализме – в статусе заключенного. Сами запомните и другим это передайте.

Сергей Анатольевич: понятно. Это уж само собой. Так что - я теперь Четвертый маркиз?

Кормчий: да, указ будет завтра утром готов. И ордера. В канцелярии заберете.

Сергей Анатольевич: спасибо за доверие! Если позволите, откланяюсь, ибо не смею больше отвлекать от важных государственных дел. (*уходит*)

Кормчий (*в сердцах*): какая наглая сволочь! Одно его спасает - работать некому. Ладно, наберемся пока терпения, и вправду займемся важными государственными делами (*кричит*) Ленка, давай еще раз попробуем. Заводи!

Снова гаснет свет, лики Кормчего наверху начинают мигать разными цветами. Звучит песня «Серая лошадка»¹². Кормчий стоит лицом к залу и, блаженно прикрыв глаза, дирижирует воображаемым оркестром.

¹² <http://www.youtube.com/watch?v=pfVLcFBvyUw>

Эпизод девятнадцатый: веселая карусель.

Несколько дней спустя. Начало февраля 2011 года. На возвышении где только что висели лики Кормчего, представлена квартира Марка и Татьяны. У них только что родился ребенок - висят сохнувшие подгузники. Марк и Татьяна сидят перед окном в халатах пьют чай. Таня смотрит на улицу в бинокль.

Татьяна: Марк Григорьевич, я должна сделать заявление - вы маньяк и извращенец.

Марк (*прихлебывает чай*): это почему это, Татьяна Викторовна?

Татьяна: Ну, маньяк потому что, вы кроме ЭТОГО ни о чем думать не можете. И меня, бедную женщину, совсем с толку сбили своими домогательствами. А извращенец потому, что вы умудрились снять квартиру аккурат с видом на офис Олимпстройского маркизата. Вам не хватило тех лет, которые мы провели в этом богоспасаемом учреждении?

Марк: ну кто же знал, что они сюда переедут! Кстати, что ты там высматриваешь?

Татьяна: у них уже второй день суета нездоровая. Какие-то коробки носят, все озабоченные снуют.

Марк: вот интересно, Тань: извращенец я, а подзыриваешь ты. (*внезапно*) Мерзкая вуаеристка! (*начинает приставать к Татьяне*).

Татьяна (*отбивается*): прекратите, бесстыдник! Ребенка разбудишь! Кроме того, я еще не допила чай. А интересно, что же у них все же творится?

Марк: ты радио не слушаешь, что ли? Третий маркиз неделю или две назад ушел в отставку по состоянию здоровья, и теперь эпоха четвертого маркиза Сергея Анатольевича. Уже возбуждено двадцать семь уголовных дел против всех подряд. Работа кипит. Бюджет Олимпийской программы обещали увеличить вдвое.

Татьяна (*опускает бинокль, серьезно смотрит на Марка*): слушай, скажи мне одну вещь. Зачем они это все делают? Ну построят спортивные сооружения половиной из которых после Олимпиады никто не будет пользоваться, построят их там где неудобно добираться и объективно может не выпасть снега – как в Ванкувере, помнишь. Все делают бестолково, с жуткими скандалами, перессорились все. Зачем? Амбиции, глупость, что это?

Марк: не Тань, это не амбиции и не глупость. Это, прежде всего, желание чуда. Понимаешь, Олимпиада – это чудо, потому что она никогда не повторяется. У Сталина Олимпиады не было. У Брежнева была, но на неё половину спортсменов не приехала. А кормчий хочет, чтобы у него была настоящая. И не он один, а все в маркизате – от небожителей в наблюдательном совете до последнего начальника отдела. Тут парадокс в том, что с одной стороны они все, до чего дотянутся, расхищают, а с другой – реально хотят, чтобы был праздник. Вот в чем парадокс. Потому что иначе они запомнятся только как жулики и воры, а вот если Олимпиада – это другое дело. В Одессе вот был в свое время её основатель Осип де Рибас. Он может и украл на строительстве города. Даже наверняка. Но! Город построил и в памяти остался – улица Дерibasовская, памятник, лестница.

Татьяна: лестница, по-моему, все же Потемкинская.

Марк: да не важно! Ну, хорошо, Потемкинская, лестницу вычитаем. Но памятник то поставили! И не один. Причем через сто, а то и двести лет после смерти. Не ради корысти, а как дань неподдельного уважения. Вот и Кормчий так хочет. Именно чтобы это не проплаченный восторг, а от души. А за что ему памятник по большому счету? Вот отсюда и Олимпиада. И остальные этого хотят.

Татьяна: мне кажется, ты сочиняешь просто сейчас.

Марк: ну отчасти - безусловно. Я же не могу подойти и спросить: пошто вы бояре такой срам затеяли? Не могу. Но мне это и не нужно. (*воодушевляясь*) Я, кстати, себе отлично представляю какой мог бы быть памятник! Только представь: величественная такая пирамидальная конструкция. Со ступеньками скругленными. Ну как именинный торт.

При этих словах Марка на сцену медленно выезжает описываемая конструкция. Наверху стоит Кормчий, на ступеньке ниже – Дмитрий Николаевич, Виталий Леонтьевич, Александр Николаевич, Герман Оскарович и четыре маркиза, еще на ступеньке ниже – Василий Георгиевич и лица, пользующиеся его особым расположением, Генерал ФСБ, Исидор Семенович, на нижней ступеньке – сочинцы. Подрядчики, дети Минтранса – едва ли все актеры, участвующие в спектакле.

Марк (*продолжает*): и на каждой ступеньке стоят участники процесса согласно рангу и званию. Сверху натурально Кормчий в величественной позе, дальше небожители покрупнее, еще ниже – помельче, «боярские дети» разные. И все как будто в «замри-отомри» играют. Застыли. Кто с калькулятором, кто в каске. Кто входящий номер присваивает. Кто цемент мешает.

Татьяна (*смеется*): Марек, любовь моя, если бы ты слышал, какую фигню ты сейчас несешь!

Марк (*притворно сердито*): цыц, глупая женщина! Это же кульминация, неужели ты не понимаешь! Вот они такие все застывшие а потом ... потом начинается музыка. Круги у пирамиды поворачиваются, и вдобавок каждая фигура кружится сама по себе.

При этих словах Марка конструкция начинает вращаться, и артисты исполняют замысловатую хореографическую композицию.

Татьяна (*смеется*): карусель это называется! В детском кукольном театре тоже такое бывает.

Марк (*обиженно*): да ну тебя! С тобой невозможно серьезно разговаривать. И вообще я хочу есть!

Татьяна: пойдем, конечно (*поднимается*). Скоро мелкий проснется, его тоже надо кормить. А, вообще, знаешь, я согласна. Но при одном условии – пусть их этого всего бьет фонтанчик ...

Марк и Татьяна уходят. Пирамида между тем еще некоторое время вращается, артисты танцуют. Затем они замирают в комичных, не вполне естественных позах и сцена завершается.

Эпилог:

Февраль 2014 года. В самом разгаре Олимпиада в Сочи. Квартира Марка и Татьяны. Сцена условно поделена пополам. В одной половине Марк и его трехлетний сын смотрят хоккей. Идет важный матч с участием сборной России по хоккею с шайбой. Сидят перед телевизором, переживают. Сын в шлеме и с игрушечной клюшкой. Звонок. Марк поднимается с дивана, идет оторвать. Это пришла Татьяна.

Татьяна: привет!

Марк (*целует Татьяну*): привет! Как дела.

Татьяна: могу вам официально сообщить, Марк Григорьевич, что жена ваша второй раз беременна. Обрюхатил, стало быть!

Марк (*обнимает жену*): ну отлично! (*помогает ей раздеться*)

Татьяна (*недовольно*) не знаю, что тут отличного ... я только от Гришки отошла немного.

Марк: плохо себя чувствуешь?

Татьяна: честно говоря, да. Токсикоз, наверное, начался.

Марк: ну или отдыхай, полежи. Мы посуду помыли.

Татьяна: в магазин надо еще. Сосисок надо, картошки, молока

Марк: мы с Гришкой потом ходим. У нас хоккей сейчас.

Гришка (*кричит из комнаты*): пап иди скорее. Перерыв заканчивается!!

Марк убегает. Татьяна проходит в комнату, садится на диван. Марк и Гришка тем временем смотрят хоккей на другой половине сцены: слышен голос комментатора и громкие крики.

Татьяна (*ворчит*): умом вы тронулись со своим хоккеем. Ох, мужики. Сил с вами нет. Родилась бы что-ли девочка. (*морицится от дурноты*) Ни сидеть, ни стоять, ни лежать невозможно. Пойду вещи поразбираю. Полгода как переехали, а половина еще в коробках.

Марк (*воздевает руки к небу*): ну ё, ну как так можно!

Гришка: (*подражая Марку*): баланс криволукий!

Марк (*одергивает*): Гриша, прекрати за папой всякие гадости повторять! ... ну давай. давай ... тьфу ...

Татьяна (*копается в коробках*): о, а это что такое? (*достаёт запыленные листы, смотрит*) А ... вот она где Анна Каренина. Господи, как давно это было, как будто в прошлой жизни (*читает*):

В 1918 году Фанни Каплан настигает Ленина возле завода Михельсона и сказав: "Помни о смерти моего отца", - стреляет в Ленина из браунинга. Ее быстро казнят для того, чтобы никто не узнал о том, что Ленин в молодости был убийцей. Гибнет штаб Чапаева, в живых остается только Анна, потому что ее узнал командир белых Сергей Каренин, ее брат.

Заканчивается Гражданская война и Анна перебирается в Москву, чтобы хоть иногда видеть Ленина, но в 1924 году Ленин умирает, и жизнь Анны теряет всякий смысл. Она опускается и идет работать в домработницы. Однажды, сходя в лавку за подсолнечным маслом, она идет домой и на трамвайных рельсах вдруг вспоминает о смерти своей матери. Приближающийся трамвай кажется ей тем самым поездом. В ужасе

Анна бежит, выронив бидон с подсолнечным маслом на трамвайной линии возле Патриарших прудов... "

(*смеется*) да, специфическое произведение. Но оно чем-то неуловимо напоминает Олимпийскую программу. Кстати, хорошо, что напомнили: масло надо купить. (*Марку*) Марек! Масло подсолнечного еще возьми в магазине!

Марк: Да-да, возьму ... (*в сердцах*) да что ж такое, ну как так можно! Ну один на один!

Татьяна (*выходит в комнату к Марку и Грише*): кстати, я нашла рукопись гениального сценария Анна Каренина два. Тебе он нужен, или можно выбросить?.

Марк (*поглощенный хоккеем*): А ...Тань, давай после. (*в телевизор*) Ну, давай - давай ... ААААААААА! ГООООООЛ! Овечкин!!!

Гришка: ГООООООЛ! Авечки!!! ГООООООЛ!!!

Комментатор из телевизора: ГООООООООООООООООООООООООЛ!

Из- за стенки от соседей: ГООООООООООЛ!

Поднимается невообразимая кутерьма. Марк и Гришка бросаются к Татьяне обниматься, потом бегут к телевизору обнимаются уже там. Татьяна смеется, обмахивается сценарием. Затем посторонние звуки затихают, и внимание фокусируется на Татьяне.

Татьяна: В финале пьесы положено говорить какие-то умные вещи. Я конечно женщина глупая, и в данный момент беременная, потому могу сказать только одно: похоже, что вся эта Олимпиада строилась и проводилась только для того чтобы мужики могли вдоволь вместе громко поорать. Вне зависимости от возраста, социального статуса, размера кошелька и прочего, что крайне мешает всем жить, но за что все цепляются всю жизнь. Людям хочется чувствовать внутреннюю свободу и не без оглядки выражать свои эмоции. Олимпиада им эту возможность даёт, за что её и ценят. Почему этого нельзя делать в другие дни – бог его знает? Я честно сказать понять этого не могу. Но говорю же – я женщина глупая, да еще и беременная в данный момент.

Конец.